

КРАСНЫЙ ЯР

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ «ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ»

«Мои друзья издали книгу... В ней слышен голос Енисея, зов Сибири»
Михаил Кожухов, президент Клуба путешественников

О. Пильникова
Д. Киселев
Т. Архипова
А. Востокова
А. Пищулин
А. Шпилова
П. Костюк
А. Сулейков

Красный Яр. Это моя земля. Литературный путеводитель

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48709852
ISBN 9785005068521*

Аннотация

Сборник рассказов – литературный путеводитель по Красноярску. Легенды и мифы Енисейской Сибири. Здесь читатель, помимо художественных образов и житейских историй, найдёт фрагменты карты города и справку о реальных объектах. Почувствует запах горячей выпечки, узнает, где катаются на роликах, лепят разноцветные пельмени, замешивают коктейли с дерзкими названиями.

Содержание

Предисловие	6
Предисловие	8
Предисловие	11
Востокова Анна.	14
Шипилова Анна.	34
Архипова Татьяна.	50
Киселёв Даниил.	58
Сулейков Андрей.	71
Пищулин Алексей.	88
Востокова Анна.	100
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Красный Яр. Это моя земля Литературный путеводитель

Издано при финансовой поддержке

Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

в рамках реализации федеральной целевой программы
"Культура России".

Торговые марки: все торговые знаки, коммерческие обозначения, фирменные наименования и названия товаров, используемые в данной публикации, принадлежат их владельцам.

Персонажи: все персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми случайно.

Авторы: Востокова А., Сулейков А., Шипилова А., Костюк П., Киселев Д., Пищулин А., Архипова Т., Пильникова О.

Главный редактор Елена Яковлева
Редактор Аркадий Тесленко
Корректор Венера Ахунова
Иллюстратор Наталья Рыбальченко

© А. Востокова, 2019

© А. Сулейков, 2019

© А. Шипилова, 2019

© П. Костюк, 2019

© Д. Киселев, 2019

© А. Пищулин, 2019

© Т. Архипова, 2019

© О. Пильникова, 2019

© Наталья Рыбальченко, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-6852-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Михаила Кожухова

Дорогой друг!

В ноябре 2018 года мы взяли интервью у очаровательной бабули из Красноярска «Верхом на мопеде: невероятная история бабушки Лены, которая открывает мир в 90 лет».

Мы позвонили в Красноярск, чтобы послушать о том, как можно путешествовать на пенсии, а вместо этого будто сами совершили прыжок в прошлое. Настолько кинематографичной оказалась ее память.

«Помню, молодая была, даже мороженое себе лишний раз позволить не могла: девчонки после работы бегают за вкусненьким, а я все откладываю... А сейчас остановиться не могу, так во вкус вошла! Туда еду, сюда еду, сколько проживу еще – не знаю, только землю эту обхвачу, как смогу, и жизнь ухвачу, и держаться за нее буду, так жить хорошо, такая жизнь интересная...» (с)

Через год – в ноябре 2019 года – мои друзья издали книгу, основанную на именно таких – рассказанных местными жителями – историях. Книгу, созданную не только на воспоминаниях о прошлом, но и на мечтах о будущем. В ней слышен голос Енисея, зов Сибири.

Когда-то я дал обещание: в путешествиях не должно быть

никаких преодолений и трудностей, их хватает и так. Зато должно быть осознанное внимание к подробностям жизни. Что бы это ни было – высокая кухня или уличная еда, прогулка на катере или рыбная ловля, полет на самолете или трогательные встречи. Все должно быть осмысленно, здесь и сейчас.

Время от времени каждый из нас должен совершать побег. За новыми впечатлениями и историями, в которые можно нырнуть с головой. А будет этот побег наслаждением от прочтения книги или вдохновением от совместных поездок – решать тебе.

Президент Клуба путешествий
Михаил Кожухов

Предисловие

Максима Замшева

2019 год в «Литературной газете» прожит проектами мифологизации территорий.

Весной в городе Ковдоре Мурманской области при поддержке «Литературной газеты» состоялся слет писателей-фантастов – первое в Заполярье мероприятие подобного рода и масштаба. Писатели провели мастер-классы, автограф-сессии, рассказали о тенденциях мира фантастики. Вдохновились атмосферой Ковдора для будущих произведений.

«Литературная газета» поддержала слет неслучайно. Загадочные сооружения, подземелья и письма отлично подходят для привлечения внимания путешественников к региону. Форум прикоснулся к тайне, как найти свою Гиперборею.

Летом «Литературная газета» совместно с руководителем проекта «Это моя земля» Андреем Сулейковым презентовала на книжном фестивале «Красная площадь» пилотное издание проекта – «Суздаль. Легенды и мифы Владимиро-Суздальской земли». Первый том сборника, посвященного легендам и мифам Суздаля, тепло встретили и читатели «Литературки», и блогеры, и критики. Презентацию приуро-

чили к 1000-летию города Суздаля. Под золотистой обложкой книги-подарка собраны искрящиеся жизнью и эмоциями рассказы, вобравшие в себя дух Владимиро-Суздальской земли, а также современный взгляд на традиции.

Вместе с секретами, где можно отведать самое вкусное земляничное варенье, пригубить из чашек суздальской керамики медовухи и хреновухи, читателю открывается тысяча лет истории Суздаля. С гуляниями, гусиными боями, праздником огурца, кино и байкерскими фестивалями. Каждая страница сборника отражает особую атмосферу города, нравы и характеры его жителей, его легенды.

Осенью проект получил развитие в Красноярске. Ноябрьская Красноярская книжная ярмарка – 2019 объявила тему выставки «Локальные истории». Второй том серии «Это моя земля» называется «Красный Яр» и точно совпадает с заявленной сибиряками темой.

Макет сборника воплотил концепцию литературного путеводителя. Кроме иллюстраций, читатель найдет фрагменты карты города, получит энциклопедическую справку об объектах, где разворачиваются сюжеты мифов и житейских историй. Узнает, где город манит запахом горячей выпечки, где катаются на роликах, где смотреть культовые фильмы, пробовать разноцветные пельмени, дегустировать авторские коктейли с дерзкими названиями или опрокинуть кофейный шот. Узнает, как встать на сноуборд, поймать кабаргу, задобрить суслика, увидеть души скал и повернуть вре-

мя вспять.

Прочтя «Красный Яр. Это моя земля», я прочувствовал сибирскость – щедрость, смелость, независимость, душевную широту красноярцев. Испытал гордость за сибиряков. Захотел приехать в Красноярск, чтобы прикоснуться к величию и духу Енисейской Сибири! Чего и вам желаю!

Главный редактор «Литературной газеты»

Максим Замшев

Предисловие

главного редактора

Что знает обыватель о Красноярске? Что там есть «Столбы» – заповедник с острыми скалами, которые так стремятся покорить все туристы. Есть Енисей – полноводная, широкая, большая река. Что у города огромная и такая же полноводная, как Великий Енисей, история. И века этой истории сплели замысловатые узоры. Крепкие нити событий связали прошлое с будущим неразрывным, нерасторжимым узлом настоящего.

Что Красный Яр лежит ровно посередине между Москвой и Владивостоком. Практически пуп земли и живое сердце Сибири. Территория настоящей свободы, за которой бежали, к которой стремились и которую тщательно оберегали все, кто ее достигал. В масштабе нашей страны Красноярск кажется городом, затерянным «где-то там», так далеко, что превращается в миф. В тот самый призрак, о котором все говорят, но который никто не видел.

Вообще, кстати, из боярской, купеческой, беспокойной и суетной Москвы кажется: все, что лежит после Уральского хребта, – сплошная Сибирь и один Красноярск.

С суровым характером, неразговорчивый. Точнее – не болтающий много. Не суетящийся и не заискивающий.

Спокойный, надежный, точно скала. С ручным медведем на поводке, лодкой с уключинами, густой сказочной и страшной тайгой, с древними рунами, с морозами за сорок зимой, с комариным жарким летом. С великими советскими стройками и той необъятной историей, неразрывно связанной и с сибирским характером, и с историей государства, и с историей отдельных семей – каждого человека, который может назвать себя сибиряком, красноярцем или его потомком.

В нашей новой книге проекта «Это моя земля» мы рассказываем вам истории прошлого, настоящего и будущего. Много в них – правда. Многие из них реальны, а их герои действительно жили или даже живут и ходят по улицам Красноярска.

Здесь есть истории – чистая выдумка и фантазия. Фэнтези и фантастика. Мы представили, каким будет этот город через несколько десятков или даже сотен лет. Он обязательно будет все той же скалой. Он выстоит, даже если случится нечто страшное.

Потому что у него главное преимущество – он пуп земли и живое сердце Сибири. И с какого бы края света к нему ни ехал, ни пытался бы его достичь – всюду далеко. Но кто достигнет – тот примет этот город в свое сердце, в свою жизнь. Он выстоит сам и поможет другим, кто будет в этом нуждаться. Потому что Сибирь не бросает ни своих, ни чужих. А в тайге все равны.

Главный редактор сборника «Красный Яр»
Елена Яковлева

Востокова Анна.

Дорожная

Когда в 2006 году Красноярский государственный университет слился с тремя другими, и получилась передовая громадина СФУ, я год как выпустилась. Выпустилась из КГУ. Я не застала свергающей все с привычных мест эпохи перемен, не застала периода неистовой вкачки бюджетов, не застала перелома, когда из нашего универа сделали образовательную витрину национального значения. Я помню КГУ в правильном смысле элитарным: умным, дерзким, с сильными традициями, активным студенческим сообществом. Надеюсь, нынешние студенты и выпускники СФУ так же гордятся своим вузом, так же признают «своих» в любой точке мира – всего по трем буквам. Всем потокам КГУ с 1969 по 2006 пламенный привет!

Сибирский федеральный университет:
Красноярск, Проспект Свободный, 79

гие СФУ №21

Общежитие СФУ № 22

Общежитие СФУ № 26

Рестобар В

Лайонс

Шматик

РОСБАНК

Давидо шаурма

Сибирский
федеральный...

Научная
Библиотека СФУ

Сибирский
федеральный
университет

Свободный пр.

ендель

Персона Грат

Институт физической
культуры, спорта и...

Общежитие СФУ № 2

Так жить хорошо, такая жизнь интересная!

Елена Ерхова

(бабушка Лена)

Мы еще жили в Красноярске. Я отбывала первый год в декрете и училась существовать по новым правилам – в постоянной, не ограниченной рабочим расписанием ответственности и вечных домашних заботах. В целом, мне не нравилось быть молодой матерью, поэтому в новом доме, куда мы недавно переехали, я осталась в презируемом материнским сообществом меньшинстве. К информационному вакууму добавился бытовой, стало совсем тоскливо.

Помню, как, вернувшись от очередного педиатра, удивилась припаркованной рядом синей «Тойоте». Не машине, конечно: чем может удивить подержанная «Королла»? Удивил водитель. Крепко ухватив руль «японки» обеими руками и придвинувшись к нему сколь можно близко, сидела крошечная пожилая женщина. Глубоко пожилая. Женщины-водители в Красноярске – дело привычное, но старушка за рулем – редкость. Ладно, подумала я, буду впредь парковаться подальше от синей «Тойоты», кто знает, чего от нее ждать. «Бабушка-подснежник¹» неожиданно бойко выбра-

¹ «Подснежниками» в Красноярске называют автомобилистов, которые не пользуются машиной зимой и выезжают на дорогу только весной с наступлением дачного сезона. Как правило, это пожилые водители, создающие помехи общему транспортному потоку.

лась из своего авто, открыла заднюю дверь и вытянула объемную пластиковую переноску для животных. Мне не было видно, кто в клетке, но зверь оказался нервный и тяжелый – старушка держала переноску обеими руками, та ходила ходуном. Кто-то внутри отчаянно рвался наружу. Женщина неуклюже перехватила ручку, и переноска вместе с обитателем бухнулась на асфальт. Я вышла из машины, предложила помощь и узнала в старушке народную любимицу – путешественницу тетю Валу. История краснойрки, которая на старости лет взялась исследовать мир², всколыхнула эфиры: смелую женщину показывали по центральным каналам, телепутешественник Кожухов сделал о ней очерк, маэстро Васильев приодел Валентину в прямом эфире.

Оказалось, что Валентина Захаровна и ее родовой «британец» Эндрю живут двумя этажами ниже. Довольно скоро каноническая пара одинокой пенсионерки и кота стала моей дежурной семьей. Когда две собственных комнаты становились слишком тесными для меня, моего эго и моей десятимесячной дочки, мы спускались к тете Вале. Пили чай и слушали, слушали, слушали – о странах, людях и ее собственной долгой, полной жизни.

...

² Конечно, все сюжеты вымышлены, но кругом полно настоящих героев. Найдите минуту, прочтите интервью бабушки Лены и больше не говорите о невозможном. – *Прим. автора.*

В университетском комплексе на горе³ тетя Валя проработала без малого двадцать лет. Пришла в строительный отдел, когда учебные корпуса и общаги еще сдавались, да так и осталась – важно говорила, «по хозяйственной части».

Даже в легендарной «Тройке» комендантом поработала. Общежитие №3 и в моем студенчестве гремело, там жили студенты с физфака и эконома, считай, на весь универ самые горячие головы. Умные, голодные, тщеславные. Третья общага ковала людей, отливая в стали «настоящую мужскую дружбу». Не знаю, как у нынешних студентов, но в братстве выпускников КГУ «Тройка» стала общей ДНК. Бизнесмены, умные лица из телевизора, депутаты, бывшие кавээнцики – частенько одни и те же люди – стоит им собраться, уже на второй рюмке вспоминают общагу и свои подвиги. Порой сочиняют, порой не свои – да и какая разница: если ты хоть день прожил в «Тройке», поймешь. Таким был и весь универ. Эконом, юрфак, физфак – в городе много вузов, но если просто «эконом», значит, Красноярского государственного⁴. Это как у монархов – фамилий не спрашивают.

³ Имеются в виду здания, принадлежавшие Красноярскому государственному университету. В 2006 году КГУ вошел в состав Сибирского федерального университета. Теперь на горе вырос целый студенческий город, кампус по последней моде. Но, как говорится, Федот, да не тот. – *Прим. автора.*

⁴ Хочется надеяться, что нынешний большой и блестящий СФУ продолжит традиции Красноярского государственного университета и сохранит ту правильную «клановость», дух братства и – модное слово – комьюнити, каким был наш универ. – *Прим. автора.*

– Половину нынешних депутатов в лицо знаю. Ух, какие басни сочиняли, чтобы после отбоя в корпус зайти, – заслушаешься. Молодые все, безголовые, – азартно вспоминает тетя Валя общежитие. – Однажды, знаешь, кого чуть ректору не сдала? – подмигивая, называет местного олигарха. – Пакетики чайные, шельмец, продавал. Использованные. Ему откуда-то по импорту привезли, а мы еще и знать не знали, что они на один раз.

Никого она ректору не сдавала. Куда там. Жалела, кормила. Студенты стали для тети Вали семьей, другой у нее не было. Муж погиб на богучанской трассе в конце семидесятых. Сорок лет тому, а до сих пор горюет. Рассказывать о том, что случилось на суровой зимней дороге, Валентина не любит. Не знает или не хочет. Вместо рассказа замирает на минуту, потом просит быть добрее. Уважает шоферов. Именно так, не водителей, а шоферов. В память о муже, как появилась возможность, села за руль.

– Ой, мужики смеялись, когда на занятия в ДОСААФ пришла. Тогда совсем не так учили, как сейчас. Машину собирали-разбирали. И чинили сами. Или на Водники ездили, один гараж на весь город. Туда еще попади – по большому благу. Спасибо, из деканата помогали.

Бывшие студенты бывшей коменде⁵ помогли купить пер-

⁵ Коменда – сленговое от «комендант общежития». Культовая фигура в жизни любого резидента общаги. От доброго нрава коменды зависело, будут ли удовлетворены базовые студенческие потребности: еда, секс и ночные прогулки.

вые «Жигули».

– И с нынешней машиной помогли. Да и вообще, грех жаловаться. – Разливает чай по тонким фарфоровым чашкам тетя Валя. – Не забывают. Тот, что пакетиками чайными торговал, теперь богатей, мне именную пенсию сделал. Благодарит, а я, куда деться, не знаю. Он из Минусинска, здесь тогда один-одинешенек, ему аппендицит вырезали еще на первом курсе, прямо из общежития забрали. Я с ним поехала, куда одного-то? Да кто бы ни поехал? Ребенок же совсем. Это он потом с пакетиками-то. Сначала цыпленок-цыпленок, напуганный, голодный.

Мне смешно и уютно от ее воспоминаний. Британский Андрюша стоически терпит проявления дружбы моей дочери. Настоящий кот: морда по циркулю, невозмутимый, что лондонский Тауэр, только в машине ездить не любит. В этом они с хозяйкой никак не сходятся. Андрюша у Валентины Захаровны появился семь лет назад, когда уехала Мидори.

– Юна подарила, – вздыхает тетя Валя и гладит мохнатую кучу высокомерия. Ее тонкой руки еле хватает поперек массивной холки Эндрю.

Юна и Мидори – самая любимая история тети Вали. Рано или поздно любой наш разговор сходится к далекой Мидори, девочке, изменившей Валину жизнь.

В двухтысячном году в универе на горе открыли Японский центр:

– Не поймешь, не то клуб, не то библиотека, – в четвертом

корпусе внизу, рядом со столовой. Я тогда в главном здании работала, часто в столовой бывала. Ну и подружилась там с японочкой. Славная такая, маленькая, аккуратная. По-русски понимала немного, но старалась выучить. Смешно так, у них же звука «л» нету, так и называла меня Варя-сан. Я ей разрешала. Остальные-то полностью обращались, с уважением, а ей сложно.

Юну в Красноярск привез муж, выпускник красноярского мединститута. По программе обмена поехал на стажировку в Медицинскую школу университета Канадзавы, где они и познакомились. По окончании стажировки начинающему нейрохирургу предложили контракт дома. Юна, хоть и боялась загадочной снежной Сибири, приехала с мужем. Педагогическое образование и отличный английский пришлись кстати: на волне очередного потепления русско-японских отношений⁶ в КГУ на японский язык сделали ставку, специалистов отчаянно не хватало.

Скромную почтительную Юну в универе уважали, но держались на расстоянии. По-настоящему сблизиться девушке удалось лишь с Валентиной. Как пожилая сибирская женщина понимала молодую японку, о чем они говорили часами в пустом Японском центре? Наверное, сердце, которое ищет заботы, и сердце, которое жаждет ее подарить, говорят на ка-

⁶ Идея создания центра японской культуры в КГУ впервые была озвучена во время встречи премьер-министра Японии Рютаро Хасимото и президента России Б. Н. Ельцина в Красноярске в 1997 году. Японский центр СФУ успешно работает и сейчас, правда в другом корпусе.

ком-то своем языке. Юнин муж Юрий (о как, повезло, что ни одной «л» нет) сутками пропадал между медом и краевой больницей. Юна гордилась Юрием, не сетовала на одиночество в чужом городе. Красноярска Юна побаивалась, хотя окрестности универа полюбила. По субботам, когда Юрий дежурил в больнице, Юна с тетей Валеё гуляли по лесным тропинкам – до самого Удачного или наверх, к Николаевской сопке. Иногда им навстречу попадались запыхавшиеся, краснощекие от колючего осеннего морозца студенты.

– Куда они бегут по лесу? – удивлялась Юна.

Тетя Валя смеясь ей рассказывала, что это у студентов физкультура такая, спортивное ориентирование называется – когда носишься по лесу с картой десятилетней давности и ищешь контрольную точку у давно пересохшего ручья за давно обвалившимся валом. Юне нравилось в лесу в любую погоду, и чем ближе к зиме, тем больше восхищало японку сибирское природное спокойствие. Вот дорожки в лесу прихватило первыми заморозками, насыпь из влажной сосновой хвои хрустит под ногами, воздух как стекло – звенит и отражает яркое сибирское солнце. Вот те же дорожки укрыло плотным снежным настом, что не растает до самой весны. «Почему Сибирь называют суровой? – возмущалась Юна. – Здесь столько солнца!» Зимнее солнце радовало ее особенно. В морозный день оно множится бесконечностью крошечных серебряных солнц отовсюду – с покатых сугобов, с заснеженных крыш, с подернутых изморозью веток

деревьев. Кажется, студеное солнце брызжет из нутра Красноярска.

В две тысячи третьем родилась Мидори. По общему решению, Юна с ребенком перебрались из общежития мединститута к Валентине – той как раз дали двушку на Копылова в счет снесенного дома. Юрий заметно продвинулся в своей нейрохирургии, готовился к защите кандидатской, и ему, несмотря на молодость, прочили кафедру в меде. Тетя Валя, не испытывавшая материнства, вдруг стала настоящей бабушкой, самозабвенной и неутомимой. Ночами баюкала беспокойную Мидори, днем покоряла марафонские дистанции с коляской, терла яблоки, кипятила пеленки – в общем, действовала в строгом соответствии с должностной инструкцией бабушки без перерывов и выходных. С обычными должностными инструкциями пришлось расстаться: совмещать заботу о внучке и работу у тети Вали не получалось. Шутка ли, семьдесят лет, хоть и не задумывалась о возрасте никогда. Благодарная Юна давала частные уроки японского, на полставки вернулась в универ. На заработанное покупала в дом новую посуду, электроприборы, бытовые мелочи.

– Вот и этот сервиз ее, Юнин. – Нежно погладила фарфоровое пузо чайника Валентина. – Попросила кого-то прямо из Японии отправить. Настоящий фарфор. Вот, смотри, на свету прозрачный. – Тетя Валя взяла невесомую чашку, поднесла к лампе над столом, плотная с виду фарфоровая стенка правда пропускала свет. – Одной чашки не хватает.

Мидори в первый день разбила, думала, это для кукол. Испугалась сама, заплакала. Зовет меня, мол, Варя-сан, извини. А я стою, растерялась, и чашку жалко, и ее, непутевую. – На этих словах, как и рассказывая о муже, Валентина замирает. На морщинистом лице разом проступают и грусть, и надежда, и мечты – сквозь плотную накипь прожитых лет пробивается сама жизнь, пульсирующая, тревожная, полная задумчивого вчера и таинственного завтра.

В две тысячи шестом Мидори увезли. Юрия включили в научную группу престижного международного проекта в Осаке с серьезными перспективами остаться в Японии – возможность, каких не упускают.

Юна уговаривала тетю Валю поехать с ними, принялась хлопотать о долгосрочном визите: получение японской визы – задача не из легких. Валентина отказалась, Юна тихо плакала, как никогда не плакала, вспоминая о своей родине и оставшихся там родных. Трехлетняя Мидори, конечно, не могла понять грядущих изменений, но, следуя безошибочной детской интуиции, в последние дни не отпускала Варю-сан ни на шаг. Есть – вместе, спать – вместе, на прогулку – вместе. Одной рукой уцепившись за Валентино палто, другой крепко держала веревочку от большой игрушечной машины с настоящими резиновыми колесами. Мидори любила машинки, а тетя Валя любила их дарить: «Вот был бы жив дедушка, он бы с тобой покатал».

В аэропорт их тетя Валя отвезла сама. Дома остался Ан-

дрыша, его Юна принесла с выставки. Сказала, что понравился, но какое там: боялась оставлять после себя пустоту.

Мидори пошла в самолет в обнимку с неудобной красной машиной.

Как прошло время после их отъезда, не знаю. Это третья тревожная тема для тети Вали. Скупно сообщила, что «ну, жила да жила, неча жаловаться». Позже в интервью услышу, что сердобольная пенсионерка помогала бывшим студентам с детьми и престарелыми родителями, что и нынешние студенты, по традиции, к Валентине забегали на чай и погреться. Она принимала, любила людей, не уставала от них.

В две тысячи восьмом в свои семьдесят пять впервые съездила в отпуск.

– Осмелела, да и деньги скопились – немного, а все равно пропадут, если помру. Не коту же оставлять, чай не графиня. – Очень ее забавляли истории про состояния, что европейские богачи («одно слово, чокнутые») оставляли в наследство питомцам.

Ее много что забавляло, ей всегда было интересно – новости, сплетни, события в жизни знакомых. Благодаря неумной любознательности да нерастраченному умению удивляться, на восьмом десятке съездила в Таиланд⁷. Потом в Турцию, во Вьетнам. Фотографии сибирской бабушки

⁷ И ничего я не преувеличиваю. Это для москвичей Таиланд – экзотика, а для красноярцев – самый доступный туризм зимой. Удивить Таиландом сибиряка невозможно. Общая тропическая дача, всего-то 7 часов лету.

со слонами, верблюдами, на тук-туке и на катере попали в Сеть, где, подхваченные жадными до добрых новостей пользователями, разлетелись в тысячах репостов. За пять лет тетя Валя объехала Азию и Европу. Где могла, садилась за руль. Вот на крошечном «Фиате» напротив Святого Петра, вот на хищной «Бэхе» на скоростном немецком автобане. Соцсети и пиар-отделы корпораций охотно подкидывали пожилой путешественнице билеты, оплачивали гостиницы и аренду машин. По-советски скромная и стесняющаяся внезапной популярности, Валентина принимала необходимый минимум, да и то как незаслуженные чудеса. Красноярск тетей Валею гордился.

– Эх, до Америки не доберусь, – сетовала за чаем тетя Валя, – и до Японии.

Подозреваю, мечта однажды добраться до Страны восходящего солнца и привела тетю Валею к туристическим подвигам, даже если сама она в этом не признавалась.

Юна, Юрий и Мидори после отъезда с Валентиной контакта не потеряли, поначалу регулярно звонили. Студенты научили тетю Валею пользоваться скайпом и фейсбуком, но почему-то многообразие каналов связи дало обратный эффект: японские «дети» звонили все реже, в последнее время перестали совсем.

– Понимаю все, заняты, – не обижалась тетя Валя, – одно жаль, Мидори давно не видела. Со взрослыми-то о чем говорить? Ну, Юрка со степенью уже, работает нейрохирургом,

Юна в школе хорошей. Там и Мидори учится. Она способная, почти отличница.

Успехами «внучки» тетя Валя гордилась особенно – куда больше, чем своими собственными. Листала страницы семьи в фейсбуке, снова и снова рассказывая, где они побывали, чем занимаются. Вот одетая в строгую форму испуганная Мидори впервые шагает в школу за руку с отцом.

– Юна говорила, в их школе много иностранцев и Мидори свободно говорит на английском. А по-русски? По-русски тоже говорит, смешно так, без «л», – смеется тетя Валя, – но ничего, приедет в гости, я ее научу. Интересно, помнит, как мы с ней вокруг универа на горе гуляли? Там сейчас красота, не узнать.

Судя по комментариям в соцсетях, Юна, Юра и девочка за приключениями Валентины следили, поддерживали. Правда, в Японию не приглашали.

Тетя Валя мечтала-мечтала, да и собрала документы на визу. Получить не успела: холодным ноябрьским утром у Валентины случился инфаркт. Обычный, о котором все знают, и никто никогда не готов.

Осень в Красноярске скоротечная, хмурые дожди быстро сменяются снегом. Тот плотно ложится, укрывает голый унылый пейзаж, вокруг становится бело и радостно. Зиму специально для Сибири придумали. Та осень пошла не по правилам: свинцовые тучи зацепились за город, с неба лило. Прогулка снова отменилась, и мы с дочерью снова, ед-

ва умывшись, спустились на два этажа – за чаем и солнцем. Через полчаса мы уже поворачивали в служебные ворота тысячекоечной больницы.

...

Найти контакты Юрия и Юны труда не составило, вечером того же дня я написала сообщение в фейсбуке и оставила свои координаты. Почти сразу мне перезвонили. Я представилась, рассказала, что произошло. Юрий подробно расспросил о симптомах и медицинских показателях, о том, как тетя Валя чувствует себя сейчас и что предприняли в больнице. Что смогла, я объяснила, об остальном он пообещал выспросить у лечащего врача в тысячекоечной. Юрий поблагодарил меня за звонок и хотел отключиться, но я остановила:

– Юрий, извините, если лезу не в свое дело, но не могли бы вы организовать видеозвонок?

– Э-э-э, боюсь, я не понял, – вежливо-недоуменно спросили на том конце.

– Понимаете... Мидори. Тетя Валя в последнее время о ней много говорит. Точнее, она всегда о ней говорит. Увидеться с внучкой – ее единственная мечта. Боюсь, последняя мечта, понимаете?

– Понимаю, – тихо после недолгого замешательства ответил Юрий.

– Она ведь все свои путешествия затеяла ради девочки. Пусть, говорит, я не настоящая бабушка, но внучка мной будет гордиться. Она хотела в Японию. Документы на визу подала. Ей тут с билетами помочь обещали. Алло? Вы молчите? Вы меня плохо слышите? – Странно, Юрий был так разговорчив, пока речь шла о больнице, а сейчас я разговаривала как сама с собой. – Если вы заняты, я перезвоню.

– Простите, нет-нет, я... я на проводе, – так же тихо и растерянно ответил мой собеседник, – я просто не понимаю, чем могу...

– Ну вот, документы она подала, но, сами понимаете, приехать ей вряд ли удастся, все-таки девятый десяток. Я подумала, может, видеозвонок организовать? Скайп? Я в палату планшет привезу или даже большой монитор. Только вы обязательно Мидори пригласите, пусть даже ничего не говорит. Тете Вале лишь бы увидеть...

– Извините, это невозможно, – странно сухо, даже зло ответил Юрий.

– Невозможно? – оторопела я.

– Невозможно. Мидори нет.

Меня будто с размаху ударили по лицу. Как нет?

– Как нет?

– Мидори ушла от нас два года назад. Утонула, – отрезал голос в трубке и умолк.

Замолчала и я.

– Извините, я не знала. Тетя Валя так много говорила о де-

вочке, но этого не сказала. Показывала ее фото в Сети, я думала, это свежие. Извините, я... это страшно бестактно.

– Нет, вы не виноваты, – Юрий говорил тише прежнего, так люди говорят в никуда, – тетя Валя не знает. Мы не стали ей сообщать. Наша дочь ей родная, она... она бы не справилась. Мы с Юной так решили. Мы иногда делали фотки, просили племянницу позировать, что-то писали от имени Мидори. – Юрий замолчал, ожидая моей реакции. – Вы осуждаете нас, понимаю. Мы поступили безответственно, да, но причинить Вале такую боль, когда она так далеко, для нас непосильно.

– Не осуждаю, – выдавила я, почувствовав через тысячи километров горе незнакомой мне, в общем, семьи. Казалось, я так много о них знала, оказалось – ничего. Тетя Валя? Как быть с ней?

В ответ на беззвучный вопрос ожила трубка:

– Алло? Если вы не сочтете нас сумасшедшими, мы с Юной могли бы...

...В БСМП⁸ всегда полно народу, но тетю Валю по большой ли народной любви или по просьбе японского коллеги разместили в почти отдельную палату. Узкая неуютная комната рассчитана на двух пациентов, но сегодня вечером соседская кровать пустовала: невообразимый простой в местном конвейере. Тетя Валя лежала на боку, подложив ладони под щеку. Обыкновенно радостное лицо пожилой женщины

⁸ Больница скорой медицинской помощи

съежилось, заострилось, казенная грязно-белая наволочка, казалось, въелась в ставшие заметно глубже морщины. Валентины стало меньше – ее тело терялось в коконе из покрывал, ее души больше не хватало ни на кого вокруг, едва ли хватало на саму себя. Когда я вошла в комнату, заметили меня ее глаза – нашли, узнали, потеплели. Собралась с силами, улыбнулась – неуверенно примеряя, пробуя улыбку на вкус. Дежурно поговорили о больнице, врачах, еде. Сначала отвечала нехотя, потом, тьфу-тьфу, разошлась. Непривычно медленно подбирая слова, рассказала о соседке, которую утром сослали в общую палату, о том, что главврач цветы приволок (всей семьей за ее приключениями следят), о том, что надо в визовый центр позвонить, узнать, что там японское консульство. Спросила про Андрюшу (жив-здоров, воспитывает мою дочь). Про Юру и Юну я рассказала сама. Призналась, что донесла о ее плохом самочувствии. Тетя Валя неодобрительно нахмурилась, не в ее вкусе жаловаться. Пора было приступить к главному.

В проход между кроватями втиснула стул, на него установила ноутбук. Пока возилась с настройками вайфая, искала в палате место, где уверенно берет сигнал, тетя Валя прихорашивалась на своей постели: расчесала волосы, расправила халат, подняла выше подушки (буду сидеть, не хочу кулем валяться). Я пристроилась с краю – убедиться, что скайп работает без помех. Нажала видеовызов.

Ответили сразу, стоило сигналу слететь со спутника

на острова. Сначала неразборчивый голос, потом картинка. Встроенная камера с привычным для скайпа низким разрешением высветила трех человек: стройную женщину с точеным азиатским лицом, тощего парня канонической «профессорской» внешности в тонких очках-стеклышках и худенькую черноволосую девчушку с двумя высокими хвостами и тоже в очках, в детских, в толстой синей оправе. Девочка обнимала большую красную машину.

– Варя-сан! – закричала девочка в кадре и, наверное, запрыгала. – Ва-ва-ва-варя-сан!

Скайп показывал фигуры по пояс – взрослые сидели за столом, девочка с машиной сначала стояла рядом, потом ускочила на задний план. Она постоянно двигалась, пританцовывая с необычной для десятилетки, очевидно, любимой игрушкой. Взрослые в кадре смеялись и безуспешно просили ребенка уgomониться.

– Здравствуй, Варя-сан, – помахала в камеру Юна, когда «дочь» исчезла из кадра, – пусть идет в комнату к урокам готовиться. Расскажи, как ты...

Я тихо вышла из палаты, прикрыв за собой дверь.

Утром тети Вали не стало.

Андрюша живет с нами.

Шипилова Анна.

Письма с ГЭС

Мы сидим с бабушкой на кухне. Она маленькая, как птичка, с тонкими костями – кажется, обнимешь и переломаешь. Ей почти девяносто, глаза загораются и становятся молодыми, когда она вспоминает комсомольскую стройку. Достает фотографии и показывает – вот она на лыжах, на Столбах, вот запуск первого, второго агрегатов, вот ее выписали из роддома с сыном – сверток с ребенком закутан в пуховые платки. Я стою на высоком берегу Енисея, смотрю на монументальное сооружение Красноярской ГЭС, вижу историю.

На десятирублевой банкноте увековечена Красноярская ГЭС. Громадина на реке Енисей была мощнейшей в мире. Позже ее потеснила американская, а потом Саяно-Шушенская ГЭС.

Красноярская ГЭС:

Дивногорск, ул. Дивногорск, 1

15 июля 1961 г.

Дорогая Лида, у меня большая новость. Мы сегодня стояли с Соней в коридоре родного института, держались за руки, очень нервничали. Лето, жара, все окна открыты настежь. Комиссия нашего факультета гидротехники вызывала по одному. Мы же еще со школы договорились поступать в один институт, а потом вместе работать и теперь очень боялись, что нас распределят на разные стройки. Соня чуть не плакала, утыкалась мне лбом в плечо. Я держала ее за руку крепко, откинула косы на спину, гордо выпрямила спину, а когда вызвали меня по фамилии, зашла широким шагом в огромную аудиторию. Я с детства командир во всех отрядах, мне легко настоять, поспорить, ты знаешь, а Соня мягкая, застенчивая.

Комиссия была – шесть человек, я узнала только двоих с нашего факультета, остальные незнакомые, представители проектных институтов, смотрели мои оценки.

«Что ж вы, Орлова, до пятого курса учились на одни пятерки и четверки, а за диплом получили „удовлетворительно“? Расслабились, нехорошо. Какая у вас тема диплома?» – спросили. Я стояла ни жива ни мертва. Сказала: «Выбрала широкую тему, надо было сузить, а то не удалось охватить все». Комиссия покивала. «Предлагаем вам Мос-

ковский проектный институт», – сказали. Я отвечала: «Хочу на Красноярскую ГЭС!» Вот где настоящая работа, вот где настоящая жизнь. Комиссия удивилась. Я вышла, Соня смотрела на меня испуганно и ждала. Я сказала: «Не распределили». Она выдохнула, и ее вызвали следующей. У нее было то же самое: в Красноярск, говорят, мест у них нет. Все уже получили свои назначения, и мы остались с Соней в коридоре одни, стояли около дверей, понимали, что решалась наша судьба.

Наконец, комиссия вызвала обеих. Сказали: «Подпишите согласие, поедете в свой Красноярск».

Вечером идем на танцы, расскажем всем своим. Скорей бы уже уехать, хочется прямо сейчас сесть на поезд и увидеть тайгу, но начнем работать только в сентябре. Приезжай ко мне в гости, пока я не уехала.

5 сентября 1961 г.

Пишу тебе из поезда. Последние полтора месяца вышли насыщенными – хотелось перед отъездом посмотреть все спектакли, на которые мы собирались, побывать на всех выставках и концертах. Все-таки, едем на три года.

Вещи собирали основательно – и собрания сочинений отправили пораньше, почтой, и лыжи, и велосипеды. Соня отправила даже швейную машинку, а я – фотоаппарат, увеличитель, набор проявителей и катушки пленки.

Настроение у нас веселое, соседи по плацкарту – ребята-походники из общества «Буревестник», едут с гитарами, палатками, развлекают нас, заботятся. Спрашивают нас о стройке, на которую мы едем. Мы им пересказываем газеты, описываем работу гидротехника, которую знаем по учебникам и летней практике. Мы им видимся, наверное, уже взрослыми, мудрыми и опытными. Но пока себя так не чувствуем.

Сонина мама не хотела ее отпускать, устроила нам выволочку за то, что скрывали, что хотим уехать, и теперь только после назначения все вскрылось. У них очень дружная семья, все друг за друга горой. Все в семье стоматологи, врачи, портные и ювелиры. Соня всегда красиво одевалась, интересно, и украшения у нее не такие, как у всех. А на великой социалистической стройке будут все равны, там излишеств нет. Соня этого очень хочет – быть самостоятельной и расти, развиваться в труде.

Я родителей не помню, их забрали в 1938-м, после моего рождения. Бабушка поплакала, когда я сказала, что уезжаю. Выправила мне в жилконторе бумагу, чтобы у меня осталась московская прописка по возвращении. Может, мне даже свою комнату дадут, а то на наших восьми метрах нам вдвоем с бабушкой тесновато.

Заканчиваю писать, уже в поезде свет на ночь выключают. Отправлю на ближайшей станции.

20 сентября 1961 г.

Живем с Соней в щитовом одноэтажном бараке, кровати отделены друг от друга одеялами и шторками. Нас распределили в новый поселок Дивногорск, вокруг тайга, ни дорог, ни жилья. С девочками-соседками сдружились уже, хотя времени ни на что не хватает – до сих пор не разобрала вещи. На книги и пластинки времени не остается, хотя обещают нам построить танцплощадку. В бараке стоит печка, и стираем мы в общей ванной, в корыте с доской. Иногда в барак к нам заходят пьяные, так мы смеемся и дружно наваливаемся всей женской ватагой, выгоняем их. Хотя пьяных и несознательных не очень много, все интересные – кто из Москвы, как и мы, а кто-то из сибирских деревень, приехали раньше и помогают нам с бытом. Рассказывают нам про зимы. Мы пока с Соней не представляем, как будем жить в бараке зимой – надеюсь, дома для рабочих уже сдадут.

Виды вокруг потрясающие – Енисей, Мана, тайга. Вкладываю тебе фотокарточку. Поселок прямо посреди леса. Очень живописно – вокруг сосны, елки, кедры, представь зелено-желтое море на много тысяч километров вокруг нас. Нам обещают организовать походы, но пока не удастся, времени из-за работы совсем нет.

Котлован ГЭС огромный, меня поставили диспетчером на заливку бетона. Целый день бегаю на улице, выдали резиновые сапоги, ватные штаны – видели бы меня в Москве.

Зеркал у нас нет, посмотреть некуда, да и забываешь, как ты выглядишь, пока работаешь. Ребята-рабочие сначала недоброжелательно ко мне относились, присматривались. На моем месте они, наверное, ожидали увидеть мужчину, он и выпить с ними может, и поругать, поматериться. А я разговариваю строго, но без мата, вольностей не позволяю, не пью, я же из комсомола. Но теперь ребята привыкли, даже хвастаются другим бетонщикам, что у них диспетчер – красивая девушка из Москвы. Мне приятно, конечно, но я всегда поправляю, говорю: «Я не девушка, я ваш трудовой товарищ, colega».

А у Сони появился ухажер, сразу, как мы приехали. Водитель, который нас вез от вокзала. Соне помогал спускать вещи с грузовика. Говорит ей, что никогда не видел таких красивых зеленых глаз в рыжую крапинку. Не водитель, а поэт прямо. Я ему сказала, чтобы он стихи отправлял свои в журнал «Октябрь» или «Знамя», в Москву, а наивной девушке голову не морочил. А он не понял, смутился. Он ее ждет после смены, когда у них одинаково заканчивается работа, и они идут гулять.

Набрали грибов сегодня с Соней прямо за баракком. Тут выходишь из дома – и сразу собираешь в ведро, не нужно искать.

Напиши мне, как здоровье твоей мамы.

15 ноября 1961 г.

У нас наступили обещанные холода. Неделю назад выпал снег, деревья стоят все в инее, сегодня минус двадцать пять, а завтра обещают минус сорок. Выдали меховые рукавицы, от шерстяных толку никакого, тут главное, чтобы руки не мерзли. Так можно и обморожение получить.

Очень злюсь на Соню. Она, оказывается, беременна от своего «поэта» и ничего мне не сказала. На комсомольском собрании я ее все равно защищала. Говорила, что она наивная девушка, впервые оказалась так далеко от дома и без родителей. Но ее все равно пропесочили и велели им расписаться. «Поэт» ее рад, и Соня рада, а я не рада – мы хотели жить с ней вместе, думали, нам дадут комнату в новых домах на двоих, как молодым специалистам-гидротехникам, а теперь их поселят в семейное общежитие. Мы приехали сюда работать, жить, дружить, а Соне теперь будет не до того, у нее пеленки, распашонки. Какая работа, когда ребенок. Но моего осуждения она не понимает, влюбилась – и пропал человек для коллектива. Как твоя работа, напиши мне. Не жалеешь ли ты, что не попросилась к нам? Нам очень не хватает толковых инженеров.

20 декабря 1961 г.

У меня новоселье. Выделили мне комнату шестиметровую в бараке. Стол, раскладушка – вот и вся моя мебель. Я

над кроватью сразу полки прибила для книг, наконец-то все распаковала. На работе я на хорошем счету, из диспетчеров перевели в мастера. Поэтому и комнату дали отдельную.

Наша ГЭС знаменита – и иностранные журналисты приезжают, и известные люди. Каждый вечер танцы, ребята играют кто на чем умеет. У нас тут гармошка, аккордеон и гитары – и поют.

Ездили в Красноярск на выходных трудовым женским коллективом, побывали в социалистическом индустриальном городе, каким станет и наш Дивногорск когда-нибудь. Широкие улицы, проспекты, как в Москве, новые дома, театры, музеи. Из Дивногорска в Красноярск бетонное шоссе построено. В Красноярске поняла, что отвыкла от нарядной одежды, хожу ненакрашенная, без прически, волосы под каской и в ушанке. А там красивые девушки в шубах, и сапожках, и в платках, с накрашенными губами, семянят по чистым улицам, как будто танцуют. И мы в телогрейках, ватниках, в валенках и ушанках. Стыдно, конечно, было, но на нас смотрели как на комсомольцев, ударников труда, а не как на женщин. Приехала домой, распаковала свои платья из Москвы и покрутилась перед зеркалом у соседней, я похудела, надо ушить. А Соню не попросишь, у нее свои заботы. Мы с ней не разговариваем. Ну и ладно, все равно платья только весной теперь можно надеть.

Температура у нас минус сорок. Небо чистое, лазоревое, а на нем раскаленное солнце. На закате солнце сначала ма-

линовое, потом красное, а потом уже становится желтым. И небо окрашивается в такой же цвет. Пленка цвета не передает такие, хотя я стараюсь, караюлю закаты. Очень скучаю по тебе. Как жалко, что ты решила остаться в Ленинграде.

3 марта 1962 г.

Сижу на ящиках около грузовика с привезенными нам консервами и жду начальство. Есть время написать, наконец. Зима была тяжелой. Барак не отапливался, находиться дома не хотелось, спали все одетые, да и с поставками продовольствия были проблемы. Постоянно хотелось спать и есть. Очень много народу из-за этого уволилось, уехало. А я решила остаться, я же знала, что будет трудно, мы же первопроходцы, им всегда было трудно. Но зато почетно. Да и домой бежать от работы, просить распределить тебя еще куда-то – не поймут. Начальство сменилось, вот жду теперь перемен.

Всю зиму трудились, бетон смерзался, рабочие ругались, я наряды не подписывала, получала выволочки от начальства, что задерживаю стройку. Но стояла на своем и не принимала некачественную работу.

Очень много сил уходит на выбивание из снабженцев в Управлении ремкомплектов для машин и механизмов, самые вредные люди у нас снабженцы. И они единственные в Управлении члены партии.

Меня уплотнили, поставили еще одну раскладушку в мо-

ей комнате, подселили соседку. Темпы жилого строительства не успевают за приезжающими по комсомольским путевкам людьми, многие спят на полу в администрации, в недостроенном заводоуправлении. Соседку мою зовут Зоя, она из сибирской деревни, училась на швею, а здесь прошла вечернее обучение и теперь работает крановщицей на жилом строительстве. Мы с ней подружились, она любит читать, а такой библиотеки, как у меня, больше здесь ни у кого нет. Ушила мне все мои платья, будет теперь в чем на танцы ходить, и в Красноярск ездить не стыдно. Я похудела на пятнадцать килограммов.

15 марта 1962 г.

Теперь я инженер ПТО. Новое начальство оценило, как я работаю, и сказало, что мне надо рационализировать водоподъемные сооружения с моим образованием, а не заливкой бетона командовать. Буду работать в конторе, а не целый день бегать. Попросила маму выслать мне лекции и специальную литературу, хоть в библиотеке достать – забыла уже все совсем, надо перечитать и вспомнить, прежде чем начинать вносить рацпредложения. У нас уникальный объект, наша ГЭС будет самая мощная во всем мире, поэтому и решения должны быть уникальными.

Начальство не смотрит на то, что я работаю всего полгода и мне чуть больше двадцати, требуют одинаково как от опыт-

ных ИТР-ов, так и от меня.

Наступила весна: яркое солнце, снег искрится и минус восемнадцать, здесь говорят: «Совсем Ташкент». У меня совсем плохо с зубами, сегодня расшатала и вытащила один руками.

20 марта 1962 г.

Какая же тоска работать в конторе! Работать от звонка до звонка, ни прийти позже, ни уйти раньше. На обед ровно час – раньше нельзя начинать. А я смолотила первое, второе и компот за десять минут и бегу на работу. А здесь так нельзя, вот сижу и пишу.

Появились бразильские ананасы, китайские яблоки, от консервов уже воротит, но ничего не поделаешь.

Хожу в пальто, платье и резиновых сапогах на работу, ватник мой и шапка-ушанка повисли на крючке. Соседка моя уехала на Братскую ГЭС, перекинули ее как уже опытного крановщика с повышением до старшего. Живу пока одна, жду, кого поделят.

Много отпетых, бывших зэков, но общежитие наше живет дружно – ставим столы в коридор на праздники, устраиваем танцы, а летом договорились пойти вместе на Столбы.

К врачу ходила, как ты и просила. Сказал, что из-за нашей еды и воды у многих зубы расшатываются.

1 мая 1962 г.

Вспоминаю, что я тебе писала, и думаю, как же я ошибалась! Работы так много, что скучать некогда, работаю наравне со всеми, ругаюсь с начальством, доказываю правоту, и меня слушают – так удивительно! Сейчас бы сидела в проектно-институте в Москве, как ты в Ленинграде, со стариками и бумажки перебирала, и никому бы моя работа не была нужна.

Подружилась на работе с главным инженером. Он меня называл Надежда Васильевна, а сейчас называет Надей и провожает до общежития.

Производство из рук чуть ли не вырывает чертежи, всем надо скорее, все спешат, а я боюсь ошибиться и перепроверяю по несколько раз. Не отдаю чертежи – ругают. Но Коля, Николай Иванович, меня не ругает, а защищает, говорит, инженеры у нас толковые, тят-ляп по-быстрому не работают.

Он тоже из Ленинграда, давний турист: был и на Кавказе, и в Карелии, и за Полярным кругом. Он сказал, что твою улицу знает, вы могли бы быть соседями, представляешь?

Переписала для тебя одно стихотворение Эдуарда Асадова, очень мне нравится его перечитывать. Вкладываю.

3 июля 1962 г.

Поженились с Колей. Я была в белом платье, крепдешиновом, купила отрез каким-то чудом в Красноярске. В об-

щежитии у кого нитки одолжила, у кого выкройку взяла, как мне сказали, моего размера. Пуговицы перламутровые срезала со старого московского платья. Коля был в отглаженной рубашке, костюм для него не нашелся, его размера брюк ни у кого не было, он у меня высокий.

Я переехала к нему в квартиру, расставила свои книги, вещи, выбросила старые половички и тряпки, повесила шторы на окна марлевые. Ходим на работу вместе. Меня повысили до начальника ПТО, теперь управляю и сметчиками, и инженерами, к нам прислали новых из Москвы, совсем зеленых. Знают работу только по курсовым и дипломам, ни разу не видели настоящую стройку. А я, прожив всего год здесь, чувствую, что повзрослела лет на десять.

Коля смеется на это, говорит, что мне до него еще далеко – ему тридцать, но уже есть ранняя седина. Контора наша собирается подарить нам стиральную машину.

Коля говорит, что переедем в Красноярск, когда достроим ГЭС и запустим все агрегаты, будем ходить на Столбы хоть каждые выходные, сплаваться по Енисею, Ангаре, ходить в походы. В честь свадьбы нам дали пять дней отпуска, мы решили поехать на Байкал. В Москве такое было бы невозможно. Пришлю тебе фотокарточки оттуда.

Помирились с Соней. Мне такое облегчение! Я призналась, что не понимала ее до этого, потому что ни разу не влюблялась. А Соня на радостях сшила мне свадебное платье за ночь, у нее сын не спит из-за коликов. Вот ребенок

подрастет, отдадут его в ясли, и Соня выйдет снова на работу. Будет инженером у меня в отделе, я ее устрою.

В Москву совсем не хочется, скоро бабушка приедет к нам. Вокруг столько всего нового, стройки по всей стране, столько людей сюда переезжает. Может, и Колины родители захотят из Ленинграда к нам перебраться. Стоит жара, я уже загорела и облезла, правда, мошка кусает.

Заканчиваю писать, пора готовить ужин...

Архипова Татьяна.

За спорт

Дворец спорта им. Ивана Ярыгина назван в 1998 году в честь легендарного И. С. Ерыгина, двукратного олимпийского чемпиона по борьбе вольным стилем. Общая площадь универсальной арены составляет 2275 квадратных метров, максимальная вместимость – 3347 человек. Игровая арена баскетбольного клуба «Енисей» и пяти тематических залов: тяжелой атлетики; хореографии; зал греко-римской борьбы и вольной борьбы; общей физической подготовки; единоборств. Автором проекта стал архитектор, член-корреспондент Российской академии архитектуры Виталий Владимирович Орехов. Мультиспортивный объект построен в 1981 году, а в 1997 году полностью реконструирован.

Дворец спорта им. Ивана Ярыгина:
Красноярск, ул. Остров Отдыха, 12

Проснулись в шесть, пробежали тридцать кругов по стадиону. Хочется жрать. Сейчас лето, а значит, у нас сборы, а сборы – это три тренировки в день. Бежать быстрее смысла нет вообще.

Идет только первая неделя сборов, а значит, «закачиваем физику». А еще это значит, что мяч мы увидим только через три недели.

Поели кое-как, кормят отвратно, спасает дошик. Александр Борисович (мы зовем его просто Борисыч) орет, что в 8:45 всем надо быть внизу, а кого не будет – бегом побежит до поля, а у меня еще бутсы и форма не высохла после вчерашней тренировки. Сборы проходят в пансионате за городом, ну как, в пансионате, бывший пионерлагерь – там поля, конечно, нет, так что едем на автобусе минут тридцать.

9:15 – начало тренировки, тренер – садист. Больше всего я ненавижу «гусиный шаг», да и все остальное тоже. Тело или болит, или ноет: бедра, голеностоп, поясница, колени. Вчера делали «челноки» в командах, кто быстрее. От этого и боль. Чего делаем, непонятно, Борисыч, лысоватый мужичок лет сорока пяти, типа модник. Карра там, Lotte – где он их только берет, может, с прошлой жизни осталось, когда еще по границам с командой катался, пока не выперли. Как попал сюда, рассказывать не любит, злится. Может, за пьянку? Голос, блин, громкий, ему б ротой командовать:

– 3-а-а-а-кончили упражнение.

– Борисыч, когда мяч-то будет, устали уже.

– Зена, когда в команде мастеров играть будешь, тогда и будешь командовать, а пока рот закрыл и на турники.

11:30 – идем в пансионат пешком, пазик, конечно, сломался. Говорила мне мать, какой нафиг футбол, Сибирь, девять месяцев в году снег разгрести будешь. Борисыч обмолвился, что, может, в выходные, наконец, сыграем контрольный матч. Под такими нагрузками какой смысл-то? Мы ж и так мертвые, ну раскатают нас 5:0! Вон Белый и так по воротам попасть не может, а после недели сборов будет стоять деревом.

– Да ладно, не хнычь, помнишь, че зимой было, – бросил Белый.

– Помню, помню...

Декабрь, минус двадцать, снега по пояс и опять рывки, ускорения, челноки. Вся жизнь мимо проходит. Одноклассники пиво пьют, по подъездам жмутся, там хоть тепло.

Полей ведь нету, снег этот гребаный. Всегда этот снег. Помню, после уроков зимой играешь до глубокой ночи каждый день, фонарь светит, ты играешь. Мороз лютый, бегай не бегай – мерзнешь. А иногда много народу соберется, делишься на три команды. Две играют, а третья ждет. Проигравший сидит. Так пару раз посидишь и пальцы ног не чувствуешь, как будто их нет, и все равно играешь. Каждый день.

Приходишь домой, мать орет, ты в душе пытаешься бут-

сы стянуть, а на руках пальцы тоже не слушаются. Кое-как лезешь под кипяток. Льешь его на ноги, а тебе кажется, что вода прохладная. Ноги как на картинках учебника: каждый сосуд виден, и все синие. Так и стоишь минут тридцать под кипятком и все проклинаешь, зачем сидел, зачем вообще играть пошел. И завтра все по новой, и так каждый день.

Утром, до школы, темень, приходишь, лопату берешь и снег этот, блин, сгребашь, никакой тренировки не надо. После школы пришел, а его опять навалило.

Помню, были на турнире в Москве, там тебе и газоны, и искусственные поля с подогревом, и залы крытые. Начали бы сюда «Спартак» с «Зенитом» летать, у нас бы такое отгрохали. Борисыч темнит, но мы-то понимаем, что в Кырск⁹ не полетит никто.

Летом лучше, конечно. Борисыч, молоток, не унывает, привел нас на огород¹⁰ – поле возле дороги с огромными кочками. Сам смастерил ворота и орет: «Игра на таком поле лучше развивает техническую оснащенность!»

– Зена, когда на огороде заиграешь, на нормальном поле вообще зазвездишь!

Ну и коронку свою, конечно: «Хорошие условия не ключ к успеху!» – хороший он мужик, хоть бы не бросил нас.

2 года спустя

Тренировка в девять, пришел пораньше, часа за два, по-

⁹ Кырск – Красноярск (сленг)

¹⁰ Огород (сленг) – газон на футбольном поле очень низкого качества.

бью по пустым, отработаю крученный. В выходные на игре не смог обвести стенку. Надо больше тренироваться. Говорят, на прошлой игре были скауты¹¹, а я не забил, хотя у меня уже двенадцать в этом сезоне и шесть со штрафных. Хотя Белый говорит, не было никаких скаутов, все по Москве да Питеру ездят, кого в Кырск-то занесет! Кого тут искать, Роналдо нового? Белый говорит, лучше б в хоккее пошел.

Мать туда же: когда за ум возьмешься, профессию получишь, одни траты. Мужик здоровый, говорит, когда зарабатывать-то будешь. Блин, как ей объяснить, что это мое. А Борисыч говорит, у нас все впереди, надо только пахать, и про нас страна узнает.

Когда отец слег, я решил уходить, пора деньги для семьи зарабатывать. Борисыч уговорил сезон доиграть. Первый круг прошли ужасно, да еще эта травма, думал, порвал кресты, но вроде обошлось. Борисыч говорит: «Побеждает тот, кто больше хочет». На выходных играем с лидером. Идут без поражений, шансов ноль. После первого тайма горим 1:0. Белого поставили слева, а он же правша! Ну, Борисыч дает! Неплохо держим мяч, оказывается, и мы можем! 1:1 сравняли. Добавили две минуты, хорошо остановил, развернулся, прокинул, сделал ложный замах, ушел в центр и со всей силы с подъема в дальний. 2:1, еще поборемся в сезоне. Борисыч говорит, начальство из Москвы было, доволь-

¹¹ Скаут – в профессиональном спорте – человек, который занимается отбором футболистов в команду

ный, похвалили, небось.

К Алению¹² взяли меня и Зеныча.

...

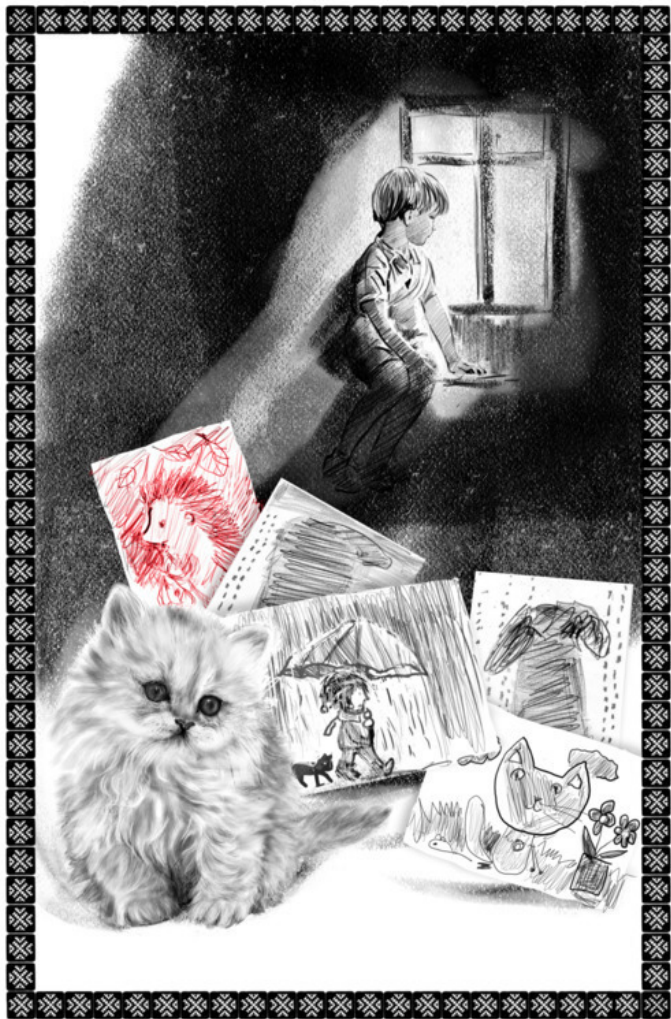
Историческая справка: 06 июня 2017 главным тренером «Енисея» был назначен легендарный российский футболист и тренер Дмитрий Аленичев. Перед командой поставили задачу выйти в премьер-лигу по итогам сезона. Первую часть первенства Футбольной Национальной Лиги «Енисей» завершил в качестве лидера турнира. 20 мая 2018 года «Енисей» обыграл «Анжи» в переходных матчах за право в следующем сезоне сыграть в Российской премьер-лиге.

¹² Алень – Дмитрий Анатольевич Аленичев, легендарный российский футболист и прославленный полузащитник

Киселёв Даниил. Шпилова Анна. Пожар

Парк Горького находится на левом берегу Енисея в исторической части города, занимая площадь в 15 гектаров. В 1828 году здесь находился Городской сад – часть девственного соснового леса, раскинувшегося от Енисея до Качи. В 1934 году Городской сад получил новое имя – Парк культуры и отдыха имени А. М. Горького. Рядом с парком – известные красноярцам ветхие строения: бараки на Горького, которые в 2019 году запечатлели в Красноярском столбе на вернисажной музейной биеннале «Переговорщики». На каждом кирпичике Красноярского столба – изображение фрагмента фасада здания с характерным признаком места. От гаражей, сараев, бараков, двухэтажек до современных высоток.

Парк культуры и отдыха им. Горького:
Красноярск, ул. Карла Маркса, 151

Маму хоронили далеко за городом – на бесконечном Бададыке – весной, когда снег еще не сошел. Гошу хотели оставить дома, но подумали и взяли с собой.

После похорон дом гудел – приехало много родственников, которых раньше никто никогда не видел и не знал. Спали на раскладушках в коридоре, на старой продавленной тахте в кухне. Гоше в его тесную детскую кровать положили троюродного брата. Брат кусался, вертелся и не мог заснуть. Гоша боли не чувствовал, отпихивал брата ногой и тихо скулил.

Пока рабочие, переговариваясь, как на стройке, рыли яму в мерзлой земле, отец успел выпить и стоял, опершись на оградку соседней могилы. Сутулился, хлюпал в сизой снежно-глиняной жиже. Гоше казалось, отцу надо выпрямиться. Он хотел подойти, помочь, уткнуться носом в пахнущую «Беломором» куртку, подержать горячую руку. Но его не пускали тети и бабушки.

«Не мешай отцу».

Жили они, назло прогрессу, в двухэтажных бараках на Горького, сохранившихся в центре города. Через дорогу шумел и светился парк – вроде несколько метров и редкий железный забор, а будто другой мир. В парке подвыпившие подростки целовались по кустам и обсуждали прелести старлеток, а в деревянных бараках по-прежнему запирали от чужаков сараи на висячий замок и ходили в «удобства» на улице.

Для поминок во дворе накрыли длинный стол, составленный из нескольких: кухонного, маминого для шитья – и даже папин верстак вынесли из сарая. Гоша забрался на чердак и, лежа на животе, следил сверху за поминками и дорогой. Он ждал, что мама вот-вот покажется на синем «каблуке».

«Какой же праздник без мамы?»

Отец смеялся, когда мама водила машину. Она резко тормозила, пропускала повороты. Обязательно блуждала, выворачивая неповоротливый руль. То смеялась, то ругалась в голос, то плакала от обиды. Рассказывала что-то Гоше, сидевшему рядом, оглядывалась, поворачивалась. Пока стояли на светофорах, держала сына за руку и опять пропускала повороты. Приезжали домой обычно к ночи.

Гости затянули заунывные песни. Гоша вспомнил, как ждал маму на скамейке у больницы и увидел юркнувшего котенка. Нагнулся, заглянул под скамейку. Нащупал в кармане печенье, раскрошил и протянул беглецу. Тот посмотрел на мальчика испуганными глазами-фарами и, принявшись, подошел к руке.

Гоша принес котенка за пазухой и спрятал в сарае. Расшатал доску, чтобы он мог ходить туда-сюда, подкармливал. Без мамы не стоит и уговаривать отца взять котенка, потому что у отца «медвежья пора».

Медведем его называла мама, когда он после пятничных посиделок с друзьями приходил домой под утро. Открывал буфет в поисках коньяка, вываливал тарелки и кружки

на пол. Стягивал скатерть вместе с вазой со стола. Выставлял стопку и закуску.

– Медведь пришел, – шептала мама Гоше, будто сказку рассказывала. – И нам надо лежать тихо-тихо. Андрюша пошумит, поломает ветки, порычит и заснет. Но не на зиму, а на целый субботний день... А мы с тобой завтра приберем, вымоем пол, выметем двор и пожарим медведю картошки. Захрапел, слышишь? И мы будем спать.

После похорон Гоша гулял – не хотел возвращаться. А вечером, подходя к дому, увидел «каблук». Обрадовался, вбежал на крыльцо, позвал маму. Осколки тарелок и кружек захрустели под ногами.

На цыпочках сошел с крыльца, отправился на поиски. Заглянул в «удобства» на улице, в сарай и в конуру к общему псу Барину. В сарае нашел котенка. Сел в старое продавленное кресло. Котенок запрыгнул к нему на колени.

– У нас дома живет медведь, – начал рассказывать Гоша. – Медведи, когда голодные, злые, к ним лучше не подходить. И они очень любят малиновое варенье. И рыбу, совсем как ты.

Гоша задремал, котенок свернулся в руках. «Медведи спят зимой... а весной просыпаются и шатаются. Зимой по лесу ходить не опасно, а весной опасно».

«Может, мама заблудилась в лесу?»

Когда отец пропал, Гошу подкармливала баба Люда из соседнего двора. Он раньше боялся ее – мама говорила,

что баба Люда умеет «чувять судьбу», и строго-настрого запрещала ходить к ней в соседний двор. Но вблизи баба Люда была не страшная. И квартира у нее, как у всех: ковры на стенах, телевизор с салфеткой, тарелки и чашки с синим ободком. Такие же тарелки и чашки по субботам бьет отец.

Поедая из привычной тарелки пельмени, макая их в густую сметану, Гоша забыл о похоронах. В приоткрытую дверь кухни шмыгнул котенок.

– Прише-е-ел, – протянула баба Люда, – я уж думала, тебя Барин порвал, полночи выл как волк.

Котенок подошел к миске и в два счета съел все объедки.

– Это мой, – сказал Гоша, – в сарае живет.

– Твой? А я думала, что ко мне прибудился, – насмешливо сказала баба Люда. – Ну, тогда я буду его гонять, раз твой.

– Он может быть общим, как Барин!

Баба Люда рассмеялась, но осеклась, услышав грохот из соседского дома.

– Это отец. У него медвежья пора! – объяснил Гоша. – Не пугайтесь, он такой не всегда. Мама говорила, он у нас появился, когда я уже был. Но он все равно меня любит.

Баба Люда нахмурилась:

– Сегодня спи у меня, – сказала она, – я тебе постелю в зале.

Чтобы Гоша не путался под ногами, бабка отвела его в дальнюю комнату, выдала бумагу и карандаши, велела не высовываться. В доме плакала и выла женщина, просила

вернуть сына.

«Интересно, откуда вернуть?»

Гоша рисовал – сперва ежа, который смешно сопел во дворе. Затем котенка на трех листах: котенка на печке, котенка и кошку, котенка и себя, шагающих по лесу в поисках мамы. «Где-то же она есть».

Гоша спросил, можно ли вернуть маму.

«Нет».

Решил зайти в дом и проверить, как там отец. «Вымыть пол, вымести двор и пожарить картошку», – вспомнил и заплакал. Отец сидел на полу посреди разгрома. Заметив Гошу, подхватился, подошел, замахнулся – мальчик вжал голову в плечи и зажмурился.

После удара Гоша оглох на одно ухо. Прятался в сарае за верстаком. Не подходил к Андрею. Выбирался в парк – посидеть на влажной деревянной лавке. Ночевал то в сарае, то у бабы Люды. Почти не ел. Котенок то появлялся, то исчезал. Ночью находил Гошу и спал рядом.

Отца Андрей помнил плохо. Тот пропал, когда мальчик был маленьким. Мать говорила, что он на опасном задании в тылу врага. Андрей гордился, играл за «красных», а во дворе рассказывал, что он сын разведчика. Повзрослев, конечно, все понял, но спросить было уже не у кого.

Марину Андрей встретил в автоколонне на Маерчака, где работал водителем. Девушка была учетчиком, выдавала расчетные листки и считала потраченный бензин. Когда поня-

ла, что он бензин сливает, не сдала его. Просто попросила не обманывать. Сказала, что сломала все глаза, пока искала ошибки в отчетности. Ее простота и искренность тронули. Не остановила ни разница в возрасте – Марина была старше на несколько лет, ни маленький сын, которого она каждый вечер бежала забирать из яслей.

Родных у Марины не было. Вечерами она сидела дома с ребенком и отшивала платья. У нее была квартира в бараке на Горького, а Андрей после армейки и общежития соскучился по уюту.

Она приняла его спокойно. Радовалась, что появился мужчина в доме. Он с удвоенной силой работал и все их первое лето латал осыпающиеся стены. Вечерами курил и наблюдал, прищурившись, как на дощатом крыльце учился ходить маленький Гоша. Ловил его, вытирал слезы и с удивлением ощущал что-то, чего прежде не испытывал. Решил найти своего отца, но стало не до того: в сарае текла крыша, Гоша вырастал из одежды и обуви, Марина хотела на море, мужики квасили в гаражах.

При виде него соседи крутили пальцем у виска – в двадцать с небольшим повесить на себя чужого ребенка и разваливающийся барак, а ему – как об стенку горох. Марина была спокойной и покладистой, не устраивала ссор, прощала праздничные загулы и потраченную на новые подшипники получку.

Они держались друг за друга – так и жили. Она не разре-

шала ему рвать легкие деньги – таксовать ночами. В городе время от времени были слышны выстрелы. Андрей разгружал почтовые вагоны, фасовал овощи в магазинах, работал механиком в сервисе «у китайцев» напротив автоколонны. Он не давал ей торговать на рынке, возить на «каблуке» товар и ночевать в нем же. Она не слушала – и работала сутками на весенне-зимнем морозе. Застудила почки. Умерла от почечной недостаточности, сгорев в переполненной тысячекойке.

«Не уберег».

Гоша проснулся от холода и голода в сарае. Спросонья пришел к дому. Встал на перевернутый ящик, вытянул шею, заглянул в окно. В подрагивающем свете лампочки увидел спящего отца и понял, что путь свободен. Зашел в дом и съел все, что попало под руку: сгрыз сухую лапшу, достал капусту и соленые огурцы, нашел остатки сала в холодильнике и сжевал с капустой и огурцами, стараясь не хрустеть. Котенку налил молока, хотел выпить сам, но в пакете осталось на доньшке.

От еды и тепла Гошу разморило, потянуло на сон, и тут он увидел спички.

Он однажды видел, как горит дом. На пожар сбежались соседи. Гоша запомнил, как быстро огонь перекидывался на соседние постройки. Как взрослые выливали ведра воды на дома по соседству. Как раздался взрыв и мама обняла Гошу, закрыв от жара. И как, наконец, подъехала красная по-

жарная машина и залила все мягкой белой пеной.

– Другие дома поливают, когда пожар такой сильный, что горящий дом не спасти, – объяснила мама. – А взрыв – это баллон газа, у нас он тоже есть. Поэтому надо быть аккуратным, не играть со спичками и не курить.

– А отец же курит, – сказал Гоша, – он подожжет дом?

– Нет, – ответила мама, – Андрюша не подожжет.

«Не волнуйся».

Баба Люда предчувствовала скорый уход и боялась, что род прервется. Дар достался ей от бабки. Она знала, что сила передается через поколение, поэтому ничего не ждала от дочери, а вот на внучку надеялась. Просила привозить из Москвы на каникулы, не отправлять на курорты. Ходила с ней по грибы и показывала заветные травы. Отводила гулять на Столбы, учила «чувять» камни, рассказывала сказки о добрых знахарках, которые помогали путникам и влюбленным.

Внучка училась у бабки охотно. Любила гулять по лесу, размахивала палкой, сбивала шляпки грибов. С интересом слушала нутряной гул камней, говорила: «Как живые». Баба Люда ждала первой крови: тогда станет понятно, передался ли дар внучке. Бабка чуяла, что ей суждено увидеть кровь, а вот что будет дальше – не знала.

Сегодня внучка проснулась рывком – увидела пожар. Огонь полыхал, закрывая рассветное небо. Девочка выбежала на улицу раздетая и босая. Пожар слепил так сильно, что

она не могла нашарить щеколду калитки. Сотни голосов обрушились на нее, она учуяла сотни желаний. Что-то – кто-то? – котенок вцепился зубами в подол ночнушки, влажной от крови. Потянул к дому тети Марины. Баба Люда вышла следом за внучкой, накинула платок ей на плечи, отослала домой мыться. Посмотрела в темные окна соседей и шагнула во двор.

Гоша чиркал, спички ломались в руках, наконец одна замялась. Мальчик подошел к храпящему под старой шубой отцу и поджег сигарету, зажатую между шершавыми пальцами.

Странный звук прорвался к нему через вату болезненной глухоты. Баба Люда стояла во дворе и «звала».

Гоша потянул за подол шубу и потушил сигарету, успешную догореть до фильтра. Обжегшись, сунул палец в рот, собрался плакать. Мама обычно приходила, дула на ожог, ссадину, и боль проходила.

– Ты за старшего, – сказала она и вызвала скорую помощь. – Папу не буди, он с вахты.

Баба Люда зашла, смела осколки в ведро, приговаривая то ли весело, то ли ворчливо. Протерла кухонный стол, постелила новую скатерть. Заварила травяного чаю. Сказала: «Отцу от похмелья». Положила на стол детские рисунки – Андрей узнал себя, Гошу, Марину, увидел котенка и ежа. Еж, он знал, живет под домом, а котенка Гоша держал под мышкой, стоя на пороге и не решаясь переступить.

Под глазами у мальчика желтели синяки. Он исхудал и смотрел исподлобья, как зверь. И Андрей вдруг понял, как Гоша повзрослел за несколько дней. Вытянулся, ушла детская пухлость щек, в глазах появились жесткость, которой не было, пока Марина была жива.

Андрей наклонился, развел руки, раскрыл ладони и пома-нил.

«Если не подойдет, Марина никогда не простит».

Гошу вдруг перекосило, но ни слез, ни всхлипов он не издал. Резко, рывком вздохнул. Проглотил комок в горле. Протянул отцу котенка и сказал: «Папа, надо его назвать».

Сулейков Андрей. Бобровый лог

Фанпарк «Бобровый лог» – всесезонный парк спорта и отдыха рядом с государственным заповедником «Столбы», в 20 минутах езды от центра города. Зимой фанпарк работает в формате горнолыжного комплекса. Летом и в межсезонье это территория активного отдыха и развлечений. Экскурсионные прогулки на канатно-кресельном подъемнике, уникальные для России аттракционы, пляж и бассейн с теплой водой под открытым небом, детские площадки, беседки для пикников, кафе, бары, рестораны премиум-класса, спа, а также трассы для downhill (скоростного спуска на горном велосипеде) и терренкура (оздоровительной ходьбы).

Фанпарк «Бобровый лог»:
Красноярск, ул. Сибирская, 92

log – файл с записями о событиях в хронологическом порядке, простейшее средство обеспечения журналирования.

Если бы я тебя не боялась, мама, я бы стала ветеринаром. Ходила по навозу в сапогах выше колена и принимала роды у коров и лошадей. Но я тебя боялась, мама. Твоего презрения, твоего сопрано. Ты морщила нос, как будто от меня дурно пахло. И высоко, тонко говорила: «Что? Отойди от меня! Ветеринаром, фу! Кому ты будешь нужна? Ветеринаром она! Программистом сначала стань, банкиром! А потом хоть дворником, мне плевать».

Так я стала программистом, сисадмином. С первого курса, как и все наши, пошла работать, куда взяли. В спортмаг, где наверху – сноуборды, коньки, лыжи – люди, движение, краски жизни. Внизу – склады, сумрак, дно, коробки. А в сумраке и коробках – я. Черный экран и светящиеся буквы. Читала `bashorg`? То-то! Все мои будни программирования – там.

У меня никогда ни разу не было парня. Пока все наши девочки держали осанку и примеряли лифчики пуш-апы, я – юная сестра Квазимодо – колдовала над кабелями, как над веревками церковных колоколов. Не кобелями, мама. Кабелями. Нет, это не одно и то же. Нет, мам.

Второй наш сисадмин, Мишка, однажды, крепко так напившись, приобнял меня за плечи и спрашивает: «Антоно-

ва, а ты когда-нибудь целовалась с парнями?» А я ему: «Нет, никогда». А он мне: «И я никогда, давай целоваться?» И мы стали. Потом до меня дошло, что он сказал «с парнями». А я то дура, повелась. Но все уже. У него был прокуренный язык, и он не чистил зубы. В темноте-то в серверной не видно, чистил или нет. А от табака перегар горький... кто пробовал, знает. Но это такое – не девственность, конечно, но хоть что-то. Кому скажи, что я впервые поцеловалась с парнем в восемнадцать лет.

Поэтому я начала пить алкоголь, мама. Сначала вино, пиво. Потом чего покрепче, коктейли. Научилась готовить Кровавую Мэри, разбираться в водке. А ты знаешь, например, что с сельдереем и чили вкуснее, чем с табаско? Я вот знаю.

Через год прокуренных поцелуев Мишка бросил сигареты и увлекся сноубордом. А я – пить не бросила, но. Целоваться с ним стало слаще, хотя дальше поцелуев дело не зашло. В темноте мы много – того, а на свету – никогда.

– Ты это, Антонова, не говори никому, ладно? Я же это, по дружбе, ну.

– Конечно, Миш. No problem.

Кто учил тебя русскому, Миш?

Мои октябрьские девятнадцать по традиции отмечали в баре. Не Oktoberfest, но тоже ничего. Дверь – в краске. Лица – в масках. Знакомые стены. На стенах – галереи шедевров, созданных под наплывом чувств. Это ведь руины-бар

Вписка. И я в день рождения всегда в руинах. Надо цементировать, и Батя поможет.

Батя – черная, на вьетнамском дереве настойка. Подается в стопке. Точнее, в двух. В одной настойка, в другой вода. Подходишь к Фикусу – его тоже зовут Батя – чокаешься с ним, доверяешь сокровенное, потом воду – в Фикус, настойку – в себя. Поговорили, полегчало. А Батя не проболтается. Надега.

Стол сдвинуты кучно, мы тоже. Развалились и расселись полукругом. А перед нами Мишка – исполняет сноубордический моноспектакль. Мне – мерзлячке – его страсти не постижимы. Он рассказывает логично, стройно, хоть экипируйся и беги. Слушаю, не отрывая взгляда. Ясно же, что инфа не пригодится, но не все же с ним целоваться в темноте.

– На лыжах проще.

Ну конечно, Миш, ну конечно.

– Поедешь с учебного склона через несколько минут после старта. Четыре точки опоры: две лыжи – две палки.

Конечно, конечно, Миш, ты, главное, говори, говори.

Встал, как борец сумо. По очереди поднимая левую и правую ногу, зависая над полом.

Ах, какая у тебя стойка, Миш...

– Весь корпус – в сторону движения. Вщелкиваешься в крепления – вот так. При падении лыжи отстегиваются. В гору можно спокойно на палках.

– Сплошные плюсы, да? А минусы есть?

– Ботинки жутко неудобные.

– Точняк! – в тон Мишке отвечает Тоня. Вытянула из-под стола тонкую ножку в легинсах. Потянула по-балетному носок. – Я эти пыточные испанские сапоги снимаю на каждом перерыве. А ведь некоторые умудряются весь день в них...

Тоня – это девушка Миши. Познакомились в Бобровке под первый снег. Думаешь, почему он курить бросил. И почему мне никому нельзя говорить о поцелуях в темноте.

– С бордом – наоборот.

Продолжай, еще, еще.

– Боты мягкие и удобные – валенки. Но при катании – другое равновесие. Первые дни реально убиваешься. Пару раз на скорости поймаешь передний кант – запомнишь навсегда. Новички экипируются – шлем, локти, колени... Сверхболезненное начало!

Сверхболезненное! Как скажешь, Миш...

– И выщелкиваться из креплений надо обязательно с помощью рук. Все заварушки на подъемниках из-за сноубордистов. Зато прогресс в освоении техники стремительный.

– Факт! – и снова эта ножка в легинсах.

– За сезон можно круто освоиться. На наших высотах кайф от борда получить легче, чем от лыж...

– Кста-а-ати! Антонова! А Кубок же? Давай из тебя чемпионку сделаем? – Тоня подмигнула Мишке. Я напряглась, взревновала.

– Какой еще Кубок?

Сплю и вижу, кошечка, нас втроем – ты, я и Мишка, ага.

– Антонова, точно, давай! Погнали завтра? Я тебя познакомлю с инструкторами. Тебе мальчика или девочку? А трассы, а подъемники, а раздевалки там какие... – Мишка хитро прищурился.

Не то что серверные, да? Кобель!

Через месяц покатушек в Бобровке Тоня взяла надо мной девчочковое шефство: «А ты где живешь? А с кем? А как расслабляешься? А парень есть? Чтооо?! Ты ваще ни-ни?»

Только слегка. Целовалась с твоим. Не в счет.

– Ладно, не дрейфь! Наладим тебе жизнь!

– Может, не надо?

– Надо, Антонова, надо! Тебе кто из парней в магазине нравится?

– А я их, что ли, вижу? Они ж наверху!

– Мда... Ну хорошо. Сначала покажем тебя, а потом выберем из... ну...

– Претендентов на переспать?

– Типа того.

– И?

– И я тебя приглашаю! Скажем... В понедельник на эль и пиво, во вторник – на коктейли, в среду – на вино. Освобождай вечера.

– О! Да! Спасибо, что предупредила! Мои вечера обычно расписаны на месяц вперед.

Шутка.

– Ага, я так и поняла. Готовься! Морально и... в общем, готовься.

В понедельник мне было нечего надеть, и я перемеряла дюжину Тониных платьев. Отвергла декольте, вырезы на спине и те, в которых из-под юбки должны быть видны стринги.

– Ну ты и ханжа, Антонова.

– Я ханжа, да? Щас вообще никуда не пойду!

– Ладно, ладно!

Интересно, как это – переспать именно с Мишкой. Напьюсь – и спрошу.

Выбрала, наконец, платье в пол. Сзади молния – от затылка до пяток, впереди – ткань под горло – как щит. Надела и успокоилась. В этом, говорю, пойду.

– Пояс верности дать? – троллит Тоня.

– Свой-то не снимаешь поди!

Красилась – два раза попала тушью в глаз. Три раза испортила стрелки. Четыре раза перекрашивала губы.

– Пока ты тормозишь, всех нормальных парней расхватывают!

– А может, я по девочкам?

Тоня, не беси меня.

– Что?!

– Шучу.

Наконец, собрались. Вышли.

Тоня рассчитала верно. В баре с порога становятся зака-

дычными друзьями даже с иноземцами, не владеющими языком. После первого глотка – братание, выпивка на брудершафт. Народа много, тесно, броуновское движение. Сердце стучит в ребра. Выпустите меня.

Вот чего недостает в моей жизни, мама. Прикосновений. Касаний, чтобы привлечь внимание. Объятий, чтобы проявить дружелюбие. Похлопываний по плечу, чтобы поддержать. Ты-то меня никогда не обнимала. Поэтому мне так холодно. С рождения и сейчас.

Я загрузила в толпе, налегла на Синюю Бороду. Потом еще на одну. И еще. После третьей бутылки потеряла Тоню из виду. Вот она мелькнула здесь, там. Вот у нее тушь потекла. Вот кто-то из девочек поцеловал ее в щеку и оставил бордовый след.

Мы встретились в туалете. Тоня – веселая, а я – мрачнее тучи.

– Ты чего, Антонова?

– Да блин, тоска. Пойду...

– Ну... Не торопись, я сейчас.

Прошмыгнула к нашему столику, что-то шепнула Мишке в ухо. А может, не шепнула, а прокричала. Ничего ж не слышно, это ж бар. Я махнула нашим на прощание. Мишка вызвался проводить.

Ребята, вы серьезно?

Ай, все равно. Идем. Я держу дистанцию, а он – нет. Меня шатает от странного предчувствия. Или это Синяя Борода

бродит и бередит?

– Миш? Мне пора... – шепчу я, а он не обращает внимания.

– Я живу вот здесь, – показывает на кирпичный дом. – У меня недавно дружок гостил. Оставил саган-дайля. Любишь чай с рододендроном?

– С чем?

– С тем! – тянет, дергает меня за руку. Пальцы впились в плечо до костей. Он тоже пьян, как и я. – Тебе понравится, Антонова. Не дрейфь.

Мне понравилось.

Я остановилась в прихожей перед зеркалом стереть помаду. Думала, будем чай, неприлично же пачкать кружки. Пока вглядывалась в отражение, не размазала ли красное по щекам, он подошел, я не услышала, а когда услышала, было поздно.

Он потянул за язычок молнии, раздался звук такой... такой... бззз – и я в мурашках вся – руки, ноги, спина. И меня – то в жар, то в холод, я ведь специально – платье с молнией! И его губы – на моей шее – знаешь, как это? Тебя кто-нибудь целовал в шею хоть раз?

И мы – всю ночь. Всю ночь, мама! И черный чай этот, с саган-дайля, в белых кружках с красными горохами! Пили на рассвете, смотрели на солнце. Огромное, холодное, серо-желтое. Но даже так – серо-желто, холодно – я чувствовала себя желанной.

Живой.

У меня есть дневник, ты знаешь. Я зову его log file. Он хранит все, что я накосячила, но не для покаяния, а для роста. Хотя помнишь, было дело, ты требовала записывать грехи. А потом – по праздникам – читать их на исповеди перед причастием. И священник все спрашивал:

– А прелюбодеяние где? А содомский грех?

А я отвечала:

– А нету, святой отец, – и ухмылялась.

А он мне:

– «А теперь отложите все: гнев, ярость, злобу, злоречие, сквернословие уст ваших; и не говорите лжи друг другу».

И я не понимала его тогда. А теперь – понимаю. Открываю дневник и пишу: «Бобровый log».

На склоне есть Илья. Он мой инструктор. Ничего такой. Однажды сделаю с ним себяшку. А Мишка...

– Ты никому о нас не скажешь, Антонова.

– Конечно, Миш. No problem.

Ты был прав, в сноуборде другие рефлексy. Начинаешь падать – выпрямляешь ноги, а надо сгибать. Начинаешь ускоряться – смещаешься назад, а надо вперед.

В декабре я как будто перешла на другой уровень ощущения себя. Поняла физику движения. Похудела. Обветрилась. Надела леггинсы, как и Тоня.

Тоня... Она красивая, мам. Не то что я. И я так и не спросила по пьяни, как они там с Мишкой спят... А я... А Илья...

– Как проверить технику, если рядом никого нет?

– Снять на видео?

– Проще.

– Тень?

– Проще.

– Глаза завязать?

– Проще.

– Не знаю. Сдаюсь.

– Полностью сдаешься или частично?

– Полностью сдаюсь. Говори уже.

– Ты в риалтайме должна понимать, какой кант загружен.

Для этого – смотри на след. Чем он тоньше – тем точнее техника. Чем шире – тем больше снега ты переместила. Нарыла никому не нужный сугроб. Понимаешь, что потом?

– Боковое скольжение? Падение?

– Да. Иногда, конечно, приходится экстренно тормозить, сугробы рыть. Но в обычном режиме твой правильный след – это тончайшая дуга.

Я в риалтайме должна понимать, какой кант загружен. Где заканчиваюсь я и начинается воздух. А ты когда-нибудь думала о границах, мам? Где уже не ты, а кто-то другой, что-то другое? Трамплин, флажок, дерево, человек, волк?

Помнишь, как однажды в лесу мы встретили с тобой волка? Я была маленькая, а он – далеко. Вышел на тропу – и стоял боком. И границы волка мы почувствовали гораздо раньше, чем увидели его самого. Мы не нарушили его владения.

Мы ушли.

Мишка приглашал меня к себе по ночам понедельников, и в очередной понедельник я по привычке пришла к нему. Открыла дверь. Не ключом, а просто, потому что здесь не закрывают двери. И увидела их вдвоем. Мне бы уйти, я тихая, ты же знаешь. Но я не ушла, осталась. Может быть, инстинктивно.

Он смотрел на Тоню, не шевелясь, не отрываясь, долго, не приближаясь ни на шаг. А я смотрела на его отражение в зеркале. И видела, что он не дышит. Что он тоже, как и я, затаился. Прошла, наверное, минута. А потом он сделал шаг к Тоне, поднял руку, двумя пальцами взял за пуговичку на горле ее рубашки и расстегнул. И я почувствовала, как будто я – там, с ним, сейчас. Не она – я. И я не смогла уйти, хотя мозг кричал: «Уходи!»

Он расстегнул вторую пуговичку над солнечным сплетением. Третью – под грудью. Четвертую – на животе. Я подумала: если бы он обезвреживал бомбы, был сапером – двигался бы так же. И это его медленное, наполненное движение вообще не напоминало мне нас, торопливых, рваных, спешащих.

Он раздвинул ей полы рубашки, и она там была – без лифчика.

Чертовы зеркала, кто их проектировал!

Я не просто смотрела – я пялилась! И стыдно мне станет уже потом, а тогда... Он наклонился к ее груди, я закрыла

глаза и осела, прислонившись к собственному отражению.

Мне близка идея оставлять правильный след. Но с Мишкой правильно – не получается.

– Антонова, – шепчет он снова и снова, – Антонова...

Давай, давай, Мишка... Господи боже...

Зачем я это делаю, мам? Где мои границы?

В день соревнований получаем номера, расписание. До старта – часа два. Можно еще раз пройти склон по точной трассе.

– Антонова, по пятьдесят?

– Тонь. Давай после заезда?

– Да само собой. Но и ща по глоточку.

Поднимаемся на кресле вдвоем. Тоня достает фляжку.

– Что там?

– Шлюхи.

– Шлюхи – это о нас?

– Это за нас!

И там не по пятьдесят, а по сто пятьдесят. Неуверенно спрыгиваем с подъемника.

– Ну что? Наперегонки?

– Тонь, успеем еще! Давай просто...

– За мно-о-ой!

И я – за ней. Конформизм – наше все.

На середине склона Тоня резко подрезает лыжника, он укладывается точно мне под ноги. Объехать – не знаю, как. Перепрыгнуть – не умею. Зато успеваю нарыть сугроб. Ру-

ки вперед и вверх – рыбкой – принимаю на грудь крепление лыжи. Слышу хруст.

Больно.

Поднимаюсь на стартовую площадку. Дышать почти не могу. Двигаюсь медленно-медленно. Глотаю воздух по чуть-чуть.

Есть в факте боли некий пофигизм, дерзость. Когда так больно, что становится все равно. И если бы в гору бежать, я бы не стартовала. А сноуборд – он же вниз, с горы.

Заезд прохожу на автопилоте, без драйва. Черные пятна пляшут перед глазами. Знаешь, мама, что такое автопилот? Как будто тело само по себе, а я сама по себе – вне тела – наблюдаю за собой со стороны. И мышцы вроде расслаблены, а вроде – в тонусе. Прохожу и трамплины, и флажки. Дышу или нет – не знаю, зато знаю, где наклониться, как сильно согнуть колени, куда повернуть.

Вот и трасса. Вот и финиш. Результатов не дождалась – зашла в травмпункт, тейпировали, вышла. Зашла в офис – написала заявление на увольнение. И меня никто не пытался удержать, представляешь?

Поменяла телефоны, удалила социальные сети. Сняла квартиру рядом с Бобровкой – почти на все. Тренировалась днями. Работала ночами удаленно. Искала свой правильный след – едва заметную границу, тонкую-тонкую нить на снегу.

Поняла, что каждый сам отвечает за свои следы. Каждый сам держит свои рамки. И никто не должен быть повелите-

лем чужих границ.

Пришла весна. Зажили ребра. А с ними – и я сама. Снег начал таять. Иду на свой крайний спуск. Есть тут такая забава – горнолужник. Разгоняешься по подтаявшему склону, а финишируешь, скользя по воде.

– Привет, Антонова!

– Илья? – снимаю маску, щурюсь...

– У меня твой кубок, Антонова! Зайдешь на саган-дайля?

Пищулин Алексей.

Роев Ручей

Красноярский парк флоры и фауны «Роев ручей» был открыт 15 августа 2000 года.

Название «Роев ручей» возникло от одноименного ручья, протекающего рядом. Здесь добывали золото, и «роев» – от слова «рыть». Парк и зоопарк является одним из крупнейших на территории страны. Представляет интерес не только для любителей животных и растений, но и для всех людей, которые предпочитают размеренный отдых в приятной обстановке. Вход платный, на территории предлагается много интересных развлечений. Есть возможность заказать экскурсию, сделать фотосессию с какой-либо живностью. Посещение особенно интересно с детьми.

Красноярский парк флоры и фауны «Роев ручей»:
Красноярск, ул. Свердловская, 293

*Ничего не откладывай. Жизнь – коротка.
Ты наивно считаешь, она – как река,
Что она, как ручей после таянья льдов,
Протечет, не оставив следов...*
Н. И. Новиков

Они думают, что ему «уже тридцать лет»! И Рой страдальчески осклабился, показывая кривые желтые зубы. На самом деле, он здесь старше всех, и по Закону Тайги ему должны оказывать знаки уважения и служить... Но кто теперь живет по Закону?

Моргая от гомона посетителей, от яркого света, от неотвязного зловония, он часами мотался по клетке, хотя мог разорвать ее, как берестяную коробочку. Иногда дети, несмотря на развешенные повсюду запрещающие объявления, кидали в него едой – и он привычно уворачивался от непрошенного угощения, очередного символа его рабства. Казалось бы, что стóит проснуться, вспомнить, кто он! Но Рой не находил в себе сил сбросить липкий морок, сделавший его пленником собственной жилистой туши.

Где-то внизу, невидимая отсюда, текла великая река; а за ней жил своей жизнью город. Громоздились дома, сверкая окошками на солнце, как мелкими озерцами в вечной мерзлоте. Рождались, жили и умирали люди.

Иногда Рой прислушивался к далекому гулу жизни, в которой ему больше нет места. А ведь он хорошо помнил те

времена, когда город на том берегу выглядел по-другому. Все было другим, и он еще не был зверем, одетым в мохнатую порыжевшую шкуру. Он был человеком – угрюмым, неразговорчивым мужиком, наделенным страшной физической силой. На стройке, где его побаивались, он совершал чудеса – таскал на плече целые бревна, возился в ледяной воде, завязывая в узлы, как обычные веревки, толстые металлические пруты. Ему доверили ставить стальные заклепки, намертво, навечно соединяя куски металла. В прочную конструкцию, которая десятилетия будет служить людям, соединяя два берега, открывая путь для освоения диких земель.

В те дни тысячи людей пришли сюда, чтобы построить чудо-мост, Царь-мост. По берегам адским огнем горели кузнечные горны; только что выкованные раскаленные заклепки бегом несли в клещах на строительные леса, где мастера безошибочными ударами клепали в отверстиях конструкций. Люди трудились слаженно и неумолимо, день за днем, месяц за месяцем; вместе с заклепками на берегах Енисея поразительные инженеры и их подручные выковывали будущее человечества, но никто из них не мог предвидеть собственной судьбы.

Рой часто вспоминал день, когда он упал в воду с огромной высоты моста. Под его сапогом обломилась доска, как в песне, и ухватиться было нечем – руки оказались заняты стальной пластиной, бросить которую он не решился – так и полетели вниз в обнимку. Енисей в те годы исправно за-

мерзал, не то что теперь; случись его падение зимой, он бы разбился в лепешку. Но стояла необычно теплая осень, и серые пряди воды, закручиваясь, рябили и звали в таинственную глубину. Он падал медленно, переворачиваясь, как будто веретено разматывалось; а в воде сразу задохнулся, выпустил из рук свою ношу, продолжая вращаться среди струй, пузырей, серебряных косяков удивленных рыб. Теперь рыбы стали его стаей, как раньше – люди; и он, неразговорчивый среди молчаливых, чувствовал себя среди них не хуже, чем в обществе людей. В последующие годы он и сам иногда становился рыбой – огромной, остроносой – в бесконечной череде текучих перерождений (он слышал, теперь ему поставили памятник на крутояре неподалеку, выбрав почему-то именно рыбе его обличье, хотя бывали у него воплощения поинтересней).

...Рой перестал мотаться по клетке и замер, склонив набок мохнатую голову с маленькими круглыми ушами. На безопасном расстоянии от прутьев его клетки, обе руки положив на ограждение, стоял маленький мальчик в футболке с мультяшным уродцем и разглядывал медведя, словно что-то вспоминая. Осторожно, боясь спугнуть мгновение, зверь растянул черные губы в улыбке, и ребенок с готовностью улыбнулся в ответ. Рой охотно подмигнул бы смышленному пацану, но не мог позволить себе подобной фамильярности, все-таки он не просто пленный зверь, нет, не просто...

До того как стать человеком, рыбой, медведем, Рой был

лесным богом, имевшим много имен, жившим в непроходимой чащобе, одетым в клочья тумана. Иногда ветер доносил до него далекий стук бубна и искаженные голоса, и, забавляясь, он принимал облик медведя, косматого гиганта: встав на задние лапы, он оказывался едва ли не вровень с верхушками деревьев; а иногда нырял в реку и гнался за сверкавшей серебром рыбиной, выставив перед собой растопыренную когтистую пятерню... А еще он умел летать на крыльях ветра, выть и хохотать на разные голоса, стелиться седым мхом, отнимать жизнь или даровать удачу на охоте. Чего он не мог – так это предвидеть, что время начнет застывать, густеть, и колесо перерождений, щелкнув в последний раз, остановится, как инженерный механизм на стройке, а сам он до конца времен застрянет в душном мешке медвежьей шкуры.

Мальчик у забора нерешительно поднял руку и помахал зверю; зверь в ответ поднял лапу, показывая кожаные кругляши подметки и черные когти – каждый длиной с авторучку.

– Вот ты где! – ага, нерадивая мамаша нагнала наконец своего непоседливого сыночка! Она положила руку на стриженую голову. – Нравится мишка? – и дамочка мельком бросила взгляд на Роя, но тут же поспешила обернуться к ребенку, придирчиво осматривая его – цел ли?

– Он мой друг, – твердо объявил маленький сибиряк, не сводя глаз с Роя.

– Пойдем посмотреть лисичек, – потянула его за руку мама, словно чего-то испугавшись.

«Ты вырастешь большим и сильным медведем», – сказал ему на прощанье Рой, не без труда сложив в голове слова человеческого языка и отворачиваясь, чтобы мальчик ушел, не цеплялся за ограждение, не думал о плохом... Расти, медвежонок.

Потеплело. Рой грузно плюхнулся в тесноватый бассейн с несвежей водой, непохожей на вольную влагу Енисея. Он давно бы свихнулся, если бы не способность покидать одолженное случаем тело и вольно странствовать по краю, лежащему за пределами зверинца – «Роев ручей» назывался парк. Рой слышал, как экскурсоводы объясняли, что название пошло от прииска, от техники отмывки золота в ручье: якобы золотоносный песок «рыли», а потом промывали... Тот, чьим именем на самом деле назван ручей, и гора, и вся местность вокруг, мог только вздыхать и качать своей волшебной головой.

Днями Рой любил тучей летать над проспектом – против движения, вопреки сигналам светофоров; кружить над просторным парком; взвихрить фату новобрачной, что вышла фотографироваться на берегу реки... Но его привлекал не только человеческий муравейник – его манила и звала тайга; он навещал стометровую дамбу гигантской электростанции: ГЭС нравилась ему своими масштабами, соразмерными с его прежней мощью. Турбины, говорите? Он и в себе ощу-

щал движение подобных турбин, только их приводила в движение не вода, а время, отправлявшее годы один за другим под белую скатерть северного океана.

А по ночам, сидя в клетке, привалившись спиной к прутьям, он тарасил в темноту круглые янтарные глаза и вырастал до огромных размеров: протягивал одну лапу до самой Камчатки, купал ее когтями в океане, оставлял борозды на черном вулканическом песке; а второй – упирался в уральский хребет. И весь он налегал грудью на неправдоподобную ширь Сибири, не примяв брюхом ни одного дерева, лишь потревожив собак в редких, погруженных в сон поселках...

– Ну, как тут наш пациент? – резкий голос вернул Роя из его астрального странствия. Перед клеткой стоял гладко выбритый субъект в столь неуместном на солнцепеке офисном сером костюме и съехавшем на бок галстуке. Он, кажется, собирался снимать его на смартфон – «для отчета», угадал Рой, не совсем понимавший смысл этого выражения.

– Сами видите, здоров и весел, – Рой разглядел и работницу зоопарка, милую девушку, которая иногда навещала его. Рой ценил теплый запах доброты и простодушия, который от нее исходил; но сегодняшняя мальчишка больше понимал в медведях, чем эта сотрудница с ветеринарным дипломом и «опытом работы».

– Главное, сыт! – хохотнул посетитель, с удовлетворением покосился на привинченную к прутьям клетки таблич-

ку с названием его фирмы, «спонсора» престижного зверя, и повернулся спиной, глядя на дорогие часы (он еще успевал съесть свой ланч).

Напрасно он это сделал!

Поднявшись на задние лапы, Рой широко разинул клыкастую пасть и, мотая головой, издал чудовищный раскатистый рык. Этот рык рождался в его утробе на самом низком регистре и поднимался, разрастаясь, по трубе его горла, дрожа, превращаясь в страшный, перекрывающий человеческий шум рев. Рой почувствовал, как звуковые волны раскатились над Енисеем и отправились в оба его конца, морща водяную поверхность и обретая силу от длинного разбега. И до самых дальних пределов края земля отозвалась гулом, напрягая синие жилы грунтовых вод.

Весь зоопарк замер: присели глупые фазаны, оторвались от прутьев царственные жирафы, волки наставили уши и повернулись в одну сторону, как будто ждали этого трубного гласа. Шарахнулись посетители, заплакали малыши, лишь один мальчик у вольера с лисичками захохотал и захлопал в ладоши, словно его команда забила долгожданный гол.

В глубине звериной утробы, в мохнатой груди медведя еще бродили эхом отголоски первобытного рева, и билась на шее от притоков горячей крови могучая вена. Я жив, подумал Рой, я еще жив. Я еще все могу!

– Понятия не имею, чего это он... – пролепетала сотрудница зоопарка, со страхом глядя на четвероногого подопеч-

ного. – Никогда ничего подобного...

Не отвечая, посетитель припустил под уклон, к выходу. Плечи серого пиджака поднялись к ушам, и портфельчик захлопал по ногам.

Великодушный Рой отправил ему, как по почте, симпатичную девушку из соседнего отдела, которая станет его женой, родит двоих здоровых медвежат и украсит его жизнь... сегодня, ближе к вечеру, они встретятся в «Теленке», он угостит ее бокалом сухого красного и стейком, а потом – известно, что потом, и хватит о них! И Рой человеческим жестом отер лапой слюну, выступившую на бахроме звериной пасти бывшего таежного бога.

– Ты слышал? – спросил у напарника пилот пожарного самолета, летевшего над тайгой, над тлеющим созвездием очередного лесного пожара. Он стянул с головы наушники и насторожился, сам не понимая природу своего беспокойства.

– Что «слышал»? – переспросил тот, отрываясь от созерцания очагов возгорания в окне. – Ничего не слышал... Слушай, тут творится что-то непонятное...

Пожар, который они день за днем облетали, выливая с небес тонны почти бесполезной воды, съезживался, как при съемке, пущенной задом наперед. Там, где еще недавно плясали оранжевые язычки, теперь извивались дымные хвосты; но и они расплзались волокнами между почерневших стволов, открывая взгляду обезображенную огнем, обугленную землю.

Незримая из кабины пожарного самолета медвежья семья, второй день удиравшая от пожара, обессилевшая и напуганная, с галопа перешла на шаг. А потом медведица и вовсе остановилась, села, вывесив язык, и повернула морду туда, откуда на них накатывала неминуемая смерть. Она расширила черные ноздри чемпионского, самого чуткого в тайге носа, и приняухалась... Угроза исчезла! До них долетал лишь ветер с запахом гари; но гибель отступила, и можно отдышаться.

«Вот на что способна древняя песня медведя!» – подумала бы она с гордостью, если бы не утратила способности разумно мыслить в ходе безжалостной эволюции. Но это было не так уж важно. Главное, жизнь опять зацепилась за краешек, неведомо как отвоевала у смерти несколько лет покоя, надежды, сытости, простых радостей бытия.

По Царскому мосту, соединяющему естество природы и естество человека, прошел неведомо кем отправленный спасительный состав.

– Возвращаемся, – сказал пилот пожарного самолета, надевая наушники и разворачивая машину над обгорелой тайгой.

Востокова Анна.

Настоящая сибирская

Кофейни в Красноярске появились давно, но приживались неохотно. Красноярцы любят поесть, и заведения без полноценного меню в начале двухтысячных казались столичной блажью. Первой стереотип сломала легендарная «Кофемолка» у краевой администрации, где «серьезные люди» учились вести переговоры под кофе и десерты. Сейчас в Красноярске сформировалось полноценное кофейное комьюнити. Кофейни соревнуются в технологии заваривания спецалти-сортов, привозят редкие лоты, изобретают новые продукты типа кофейных шотов в «Британцах». Я, как магистр кофейных знаний, голосую за «Академию кофе» (отличный капуч и есть парковка!), за «Кофебулку» (кофе и булка!) и за «Британских ученых» (шоты и знания!).

Кофейня «Британские ученые»:
Красноярск, Мира пр. 109

– Ба, встань левее.

– Левее – это сюда? – попятилась к комоду баба Зина. –
Смотри-ка, до семидесяти лет дожила, а лево-право путаю.

– Ба, тебе семьдесят два, – заметила Дашка из-за камеры, – в объектив смотри, вот сюда.

– Даш, правда думаешь, поможет? – спросила Зинаида.

– Хочешь спасти «Кофезину»? Слушайся внучку.

Баба Зина пристроилась к комоду, поправила прическу, уставилась в круглый глаз камеры:

– Уважаемый Владимир Владимирович...

...

Славная история «бабкиной кофейни» началась год назад, когда в августе счастливая Дашка визжала в трубку:

– Ба, поступила! Прошла, Ба!

С третьей попытки: мечтала, падала, вставала и... поступила на свой режиссерский.

– А как же кофейня? – только и выговорила Зинаида Ефремовна. Ее ошпарило: Дашка в Москве – сама, смогла! Дашка в Москве – и теперь будет... в Москве?

– Ба, да какая кофейня? При чем тут кофейня? Я поступила, слышишь, по-сту-пи-ла!

Крошечный прилавок с «Кофе с собой» в тихом Кедровом, где у тещи дача, Дашке купил отец. Думал, успокоится,

творческую дурь растрясет. У Телеги, школьного приятеля, там гастроном – считай, центровое место, в углу обосновались. Всего ничего поработала, и нате вам – поступила.

– Черт, жалко за копейки отдавать, – Дашка сняла плотный кожух с блестящей кофемашины, – думала, в «Британцах» заберут, но туда «Марзоку» поставили. И куда тебя девать-то, чудо техники? – девушка тряпичной салфеткой протерла панель и оба дисплея. Тяжелый аппарат итальянской фирмы Della Corte, чем-то похожий на луноход, стоил как новая баня, в Красноярске продать ее было некому.

– Так не продавай. Забери в Москву, там скорее покупатель найдется, – предложила Зинаида.

– Не, Ба, куда я там с ней. Вот кто бы здесь нашелся, выкупил, как есть. Даже просто бы работал – чтобы машина не скучала... Отцу на фиг не надо... Ба, а может ты? Я же тебя учила молоко по науке взбивать! – подозрительно серьезно пошутила внучка.

Она и не шутила.

Зинаида Ефремовна в кофе понимала мало, но и в балете бы разобралась, лишь бы с внучкой на одном языке говорить. Как «делакортой» управлять, Дашка ей объяснила, а настройки – одна математика. Хочешь покислее – температура пониже, помол покрупнее; хочешь погорчее – наоборот. Кто сопромат учил, с экстракцией справится, а баба Зина как-никак инженер РЖД с сорокалетним стажем. Сложнее с холдером – темпером – питчером.

– По-русски нельзя? Напридумывают матюгальных названий, – бухтела Зинаида. Сошлись на «держалке», «толкушке» и «молочнике».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.